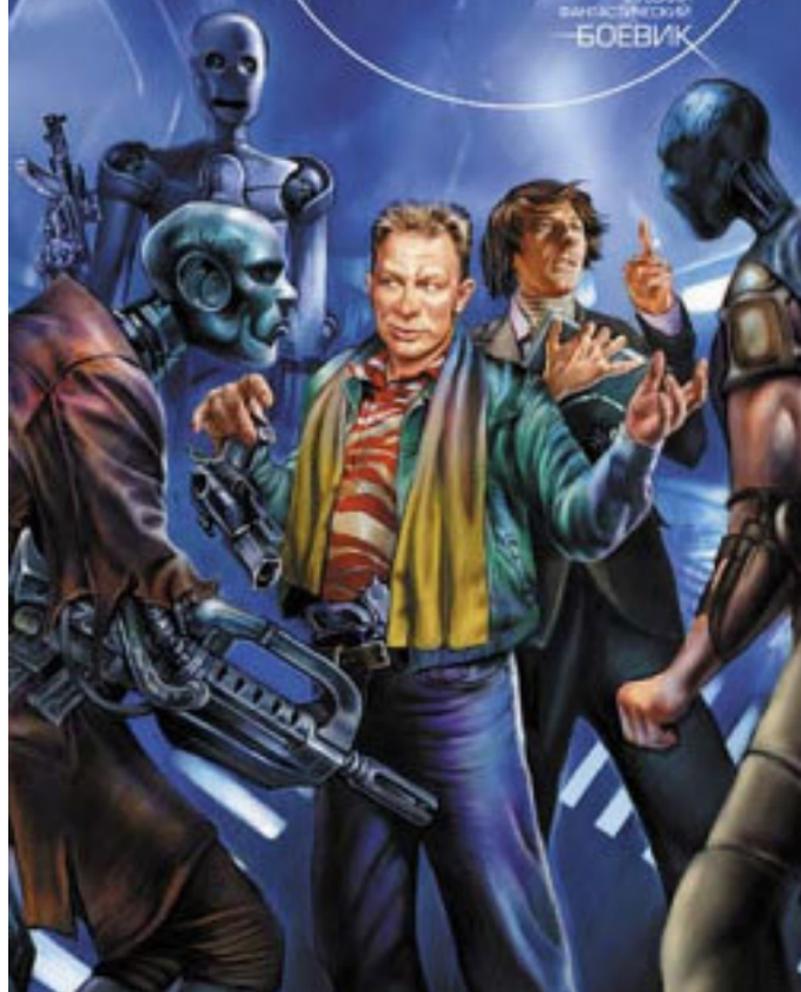

Евгений Гаркушев
Андрей Егоров

КОСМИЧЕСКИЙ КАПКАН

РУССКАЯ
БАНДАСТРАЖИКА
— БОЕВИК

Андрей Игоревич Егоров
Евгений Николаевич Гаркушев
Космический капкан
Серия «Коски», книга 1

<http://www.fenzin.org>

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137485

Космический капкан: Эксмо; М.; 2006

ISBN 5-699-15138-9

Аннотация

Знающие люди говорили: планета Дроэдем – настоящий рай. И главное – никакой полиции. Для матерого уголовника Глеба Жмыха этот факт имел решающее значение. Лемурийцу Лукасу тоже было чего опасаться в пределах досягаемости Закона. Угнав космический транспортник, они прибыли на Дроэдем и зажили роскошной жизнью. В гостинице, где поселились рискованные парни, даже унитаза были из чистого золота. И жизнь казалась такой прекрасной, что хотелось петь. Но преступный мир Дроэдема тягивает их в кровавые разборки, да и с самой райской планетой явно что-то не так...

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	102
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Евгений ГАРКУШЕВ, Андрей ЕГОРОВ КОСМИЧЕСКИЙ КАПКАН

Преступники проявляют более хитрости, чем ума, они отличаются крайним легкомыслием, неустойчивостью в мыслях и в особенности полной непредусмотрительностью, между ними много слабоумных, психически недомагающих, эпилептиков, они крайне рано привыкают курить. Преступники имеют свой особый язык, свой словарь (Argot), метафорический способ выражения; они имеют свой особый почерк, у них существует отдельная литература, в особенности поэзия; особый характер художественных произведений. В нравственном отношении они проявляют крайнюю жестокость, причиняя своим жертвам ненужные и страшные мучения, не чувствуя раскаяния и свидетельствуя тем о полном отсутствии у них нравственного чувства; вместе с тем они крайне тщеславны, мелочны, суеверны и набожны, трусливы, ленивы и мстительны, склонны к пьянству, разврату, картежной игре.

Чезаре Ломброзо, 1892 год

ГЛАВА 1

Смыться из Мамбасу

Все началось с мелкой хвостатой твари, которую и кошкой не назовешь. Кошек Глеб Жмых любил, как родных, а эта мелкая гримза, похоже, была взбесившейся механической куклой. Из тех, что можно купить на рынке дроидов в Мамбасу-горб, трущобном столичном пригороде, рублей за десять-пятнадцать. Начинка у тамошних кукол обычно выгоревшая, и чинить их бесполезно – дороже обойдется. Проше взять новую, а старую сбыть по дешевке тем же мамбу-спекулянтам.

Глеб шел по улице, мимо раскидистых пальм и низкорослых мангровых деревьев, потирал руки и посмеивался, размышляя, как здорово проведет сегодняшней вечер. Солнце уплывало за широкий горный массив на востоке, в кармане пиджака похрустывали две тугие пачки сторублевых купюр. День удался на славу, а, значит, вечер будет наполнен разнообразными развлечениями. Хорошая выпивка, пьянящие колоски, казино до утра и, конечно, женщины – их нежной ласки Глебу так недоставало целых две недели!

Жмых сунул руку в карман, тронул денежки, удовлетворенно хмыкнул.

В прежние времена, когда электронные платежи только

входили в обиход, некоторые наивные граждане полагали, что бумажные векселя, пластиковые и хлопковые деньги, золотые, серебряные, палладиевые, медные и алюминиевые монеты – все эти прекрасные творения человеческого разума и человеческих рук отомрут за ненадобностью. Но вышло иначе. Ведь карточка, открывающая путь к электронному счету, закрывает путь к свободе: любой электронный платеж контролируется государством. Подобное положение вещей выгодно только директору налоговой службы и его доверенным лицам, но никак не рядовым гражданам Межпланетного братства.

Наличные деньги не спешили уходить в небытие. Стало быть, и ремеслу Глеба в ближайшее время забвение тоже не грозило.

Больше всего на свете Глеб любил деньги. А еще ему нравились драгоценные камни, желтый и белый металл и прочие ценности отнюдь не духовного характера. Поскольку наследства Жмых не получил, да и вообще никогда не видел своих настоящих родителей, а от приемных сбежал, прихватив драгоценности суррогатной мамыши, любовь к деньгам он удовлетворял единственным доступным ему способом – вооруженными ограблениями. Не брезговал и мелкими кражами.

Вором при этом он себя не считал. Ни в коем случае. Воры – это мелко и пошло, и вообще малоэстетично. Но проводить экспроприации у зажавшихся горожан Мамбасу –

совсем другое дело. Удаление лишней жировой прослойки идет богатым только на пользу.

За долгие годы бурной профессиональной деятельности у Глеба сформировалась целая теория, служившая отличным оправданием его преступному промыслу. Забирая у толстосумов нажитые ими материальные ценности, он, таким образом, стимулирует их активность, не дает удовлетвориться достигнутым, закоснеть. Ведь если денег у богача станет больше, чем он может потратить, ему решительно не к чему будет стремиться. Или того хуже, заболит толстосум «хомячьей болезнью» – складывать денежки в сейф или копить их на счету в банке, все урезая и урезая свои траты – и в конце концов умрет от недоедания...

– Опа, – крикнул Жмых и прибавил шагу: неподалеку замаячило кое-что интересное.

У любого джентльмена, полагающегося в своих делах на счастливый фарт, имеются верные приметы и обычаи, которым обязательно надо следовать, если хочешь остаться в деле надолго. Поэтому мимо палевой кошечки, вцепившейся когтями в сухую ветку мамбасуанской акации, Глеб просто не мог пройти равнодушно. Согласно его представлениям о счастливом случае, всякую одинокую киску необходимо поймать, отнести в ресторан, заказать двойной бурбон себе и блюдечко молока для пушистой подружки. Тогда в ближайшее время жди от жизни чего-нибудь хорошего.

– Кис-кис-кис, – позвал Глеб. Вкрадчиво позвал. Даже

нежно.

Но кошка и головы не повернула. Смотрела перед собой не мигая и не шевелилась. Испугалась чего-то? Хотя чего ей, казалось бы, бояться? До земли – два метра, с такой высоты и человек спрыгнет. А кошка – и подавно.

– Прыгай! – пригласил Глеб, подставляя руки.

Настойчивые призывы человека кошка проигнорировала, продолжая пялиться в пустоту с самым маловыразительным видом.

«Словно какой-нибудь высоколобый философ, погруженный в себя, – удивился Глеб, – можно подумать, она занята поисками смысла жизни».

– А ну-ка, – буркнул Жмых, – иди сюда, животное, и поскорее!

«Наверное, не стоило стрелять в кассиршу Мамба-банка из газовой волины, – он помрачнел. – Теперь от меня разит газом, и зверек боится незнакомого запаха».

Кошка наконец пошевелилась, медленно повернула голову и посмотрела на человека, который тянул к ней руки, приговаривая «у-тю-тю, моя родная», как показалось Глебу, с презрением.

– Я тебя все равно достану! – прошептал он. – И напою молоком, даже если придется тащить тебя вместе с деревом и тыкать мордой в блюдце! Ты попьешь молочка, не будь я Глеб Жмых!

К счастью, прохожих вокруг не наблюдалось. Время от по-

лудня до вечера в Мамбасу самое жаркое – простые обыватели сидят по домам и потягивают имбирное пиво. Только джентльмены удачи, вроде Глеба, решительным шагом входят в кондиционированные помещения банков и магазинов, избавляют служащих от лишней наличности и скрываются в адском пекле раскаленных городских кварталов.

– Я помогу тебе, киса! – сменил Жмых гнев на милость, снял белоснежный пиджак и повесил его на сухой сучок акации.

«Влезу на это пыльное дерево и сниму ее, – решил он. – Потом мы пойдем в лучший ресторан. В конце концов, я заработал сегодня двадцать тысяч. Редкая удача, что в банке оказалось столько наличности! А еще – некоторые приятные мелочи, вроде сережек кассирши, которые можно продать за тридцатку. Никак не меньше».

Кошка повернула голову и пискнула:

– Мяу!

Голос у нее оказался хриплым, как у старого пьяницы.

«Болеет она, что ли? – удивился Глеб. – Ну, ничего, блюдечко теплого молока пойдет бедняжке на пользу!»

Пусть ему придется испачкать белые брюки, – на них все равно налипло грязи, когда он перелезал через забор в переулке за Мамба-банком, – но кошку он достанет!

Глеб подпрыгнул, ухватился за сук, подтянулся. Рывок, и он уселся на ветку верхом. На стволе мамбасуанской акации, конечно, нашлась мерзкая колючка, которая порвала брючи-

ну и впилась в беззащитную ляжку.

– Эксель-моксель! – выругался Жмых, сплюнул вниз и с самым сердитым видом уставился на кошку: – Ничего, упрямая моя, сейчас я тебя достану! Тихо, тихо, моя хорошая! Пушистая моя!

Глеб потянулся за зверьком, но глупая тварь, не понимая, что спасение близко, полезла от него по ветке, похрюкивая гадким тенорком.

– Стой, неблагодарная! Стой!

Жмых попытался схватить неразумное животное, но кошка отпрыгнула, полоснула его когтями по пальцам и с шипением, напоминающим звук проколотой камеры, сиганула с дерева, в полете она неловко изогнулась, приземлилась на раскоряченные лапки метрах в десяти от акации и заковыляла прочь.

Глеб провожал кошку сердитым взглядом, пока она не скрылась в ближайшем дворике. И заорал вслед, чуть не плача:

– Наша компания им не подходит! Нет! Мы предпочитаем общество старух, роющихся в помойках! Скотина ты полосатая! И больше никто!

Не видать мне в ближайшее время счастливого форта, понял Жмых. Он критически оглядел себя. Ну и видок! Брюки порваны, рубашка из лемурийского шелка, купленная аж за десять рублей, безнадежно испачкана. Да еще саднят расцарапанные о колючки акации пальцы.

Он поглядел вниз, выбирая место, куда можно прыгнуть. И едва не вскрикнул от неожиданности. Полосатая гримза не только не принесла ему даже малую толику удачи, но совсем напротив – навлекла неприятности.

Под деревом, рядом с его пиджаком, стоял толстый полицейский с угольно-черной физиономией. Под форменной курткой обрисовывался толстый живот. Настроен страж порядка был самым решительным образом. Он эффектно постукивал по ладони электродубинкой и хмурил брови. Радовало, что парализатор болтался у него на боку. Значит, ориентировка на грабителя банка в Центральное полицейское управление Мамбасу пока не поступала.

– Что ты там делать? – на ломаном русском спросил чернокожий. Сообразительный! Сразу определил родной язык Глеба. Впрочем, догадаться, кто Жмых по национальности, несложно. На испанца и латиноамериканца он не похож, англичан и французов в Мамбасу по пальцам пересчитать можно. А вот русских хоть отбавляй.

Бум рождаемости, который пришелся на начало двадцать пятого столетия, заставил многих покинуть родную Солнечную систему и перебраться в колонии, где места для жизни было куда больше. Конечно, некоторых раздражало, что русские летят с Земли бесконечным потоком и селятся, чаще всего нелегально, во всех новых мирах, едва только те оказываются в зоне Межпланетного братства. Обладающие необычайно острым умом и отличной приспособляемостью к

любым условиям, русские все активнее заселяли Галактику. Несмотря на вялые протесты злопыхателей. Некоторые злые языки беспрестанно твердили, что скоро в Галактике из землян останутся одни русские. Но что тут можно поделать? Русский язык давно стал государственным для многих стран на большинстве планет цивилизованного космоса, а рубль являлся законным платежным средством по всей Галактике.

– Слезать, ты! – отрывисто бросил полицейский.

– А в чем дело? – заговорил Жмых и осекся. Он хотел добавить кое-что насчет морального облика полицейского и цвета его кожи, но вовремя сообразил, что рано или поздно с дерева слезать придется, и провоцировать толстяка не стоит. Еще применит парализатор. – Между прочим, я – гражданин Мамбасу! – отметил Глеб.

– И что ты делать на дерево? Ты знаешь, что в общественных местах нельзя лазить на дерево? Что некоторым граждан это принимается, как есть намек? Намек на хвост? А ты еще и в белое одет. Совсем белый!

– Закона, запрещающего носить белое и обтягивающее, пока не придумали, – огрызнулся Глеб. – Намеков я никому не делаю... Захотелось вот на дерево залезть. Так что не надо базарить.

– Слезать немедленно! – приказал разъяренный негр и угрозил дубинкой.

Можно подумать, Глеб собирался висеть на дереве до вечера! Он же не мартышка какая-нибудь! И не экзотический

фрукт, какие в изобилии росли на пальмах и тафтовых деревьях в окрестностях Мамбасу.

Жмых вздохнул и спрыгнул вниз. Сделал вид, что подвернул ногу, упал на колено, обхватил голень и запричитал:

– Адская боль! Просто адская. Вместо того чтобы преступников ловить, мучаете, кровососы, честных граждан. Какие у вас ко мне претензии, офицер? Вы уже сделали достаточно, чтобы пошатнуть мое здоровье. Что вам еще надо?

– Пиджак на ветка ваш?

– Ну, мой, – ответил Жмых. Отпираться было бессмысленно.

– Карман в пиджак оттопыриваться, – сообщил полицейский. – Нужно проверить. И документ предъявлять! Быстро предъявлять!

– Что такое?! – Глеб покрылся потом. Насчет карманов – это он фигурально, на взятку намекает, или заподозрил что-то? Например, что в пиджаке крупная сумма наличными и пистолет? Нет, заподозрил бы – сразу из парализатора приложил. Еще на ветке. – Уточненьице требуется, – сказал Глеб. – Какой именно карман оттопыривается? Левый или правый?

– Я говорить серьезно. – Дубинка описала полукруг и уперлась Жмыху в подбородок.

– Ордер у вас имеется? – безнадежно спросил он.

– Операция есть называться «Черный ветер против преступность». Полицейский могут проверять карман граждан.

Уполномочен от сам мэр, гражданин.

«Гражданин» прозвучало в устах чернокожего как издевка. Да, граждане сами загоняли себя в добровольное полицейское рабство. Пусть Мамбасу – далеко не райский уголок, а криминальная столица всего южного сектора, но давать полиции столько прав? Чтобы они потом тебе же карманы чистили?

– Нет проблем, офицер, – криво улыбнулся Жмых.

Действительно, какие проблемы? Только две новенькие пачки сторублевок в банковской упаковке. И газовый пистолет? Пистолет Глеб хотел выбросить сразу после того, как отключил им кассиршу. Два выстрела – на охранников, один – на кассиршу. Еще один оставался. Эх! И не выбросил. Пожалел. Теперь пистолет – не оружие, а улика.

Но поздно каяться. Одноразовый, очень компактный четырехзарядный «глюк» Жмых носил в боковом кармане пиджака. А пиджак сейчас закрывала черная туша полицейского.

– Документы достать, или вы сами, офицер? В пиджаке, во внутреннем кармане!

Уловка не сработала. Поворачиваться спиной к подозреваемому негр не стал. Только кивнул коротко:

– Достать ты!

Эх, не удастся приложить его по затылку. Ну да ничего. Главное, пиджак взять. А там можно и удариться в бега. Вряд ли толстяк окажется достаточно расторопным, чтобы

его поймать.

С подобострастной улыбочкой Глеб обошел стража порядка, снял с сучка пиджак, покорно протянул его полицейскому. Едва тот вытянул жирную лапищу, намереваясь взять пиджак, а значит, и деньги Глеба, заработанные тяжелым несправедливым трудом, как получил крепкий тычок в живот. Глеб ударил кулаком и сразу же пожалел об этом. Живот полицейского был защищен тонким, но сверхнадежным бронезилетом «Каменная кожа». Отбил костяшки напрочь.

– Екарный бабай! – тряся рукой, Жмых запрыгал вокруг дерева.

Кокарда в виде двух скрещенных пальм на фуражке полицейского, снабженная микрочипами и логическими блоками, ярко загорелась и начала верещать:

– Внимание, нападение на полицейского! Внимание, нападение на полицейского! Передаю всем постам приметы преступника! Белый мужчина в белом пиджаке, рост сто восемьдесят пять сантиметров, вес девяносто пять килограммов! Нос прямой, с горбинкой. Горбинка, возможно, искусственная! Глаза карие, предположительно – цветные контактные линзы! На щеке – шрам. Вероятно, настоящий!

Обычно такое верещание, инспирированное ограниченным искусственным интеллектом кокарды, сбивало преступников с толку, заставляло их падать перед полицейским на брюхо и молить о пощаде. Но Глеб Жмых был не таков. Семь задержаний, два срока в лечебном санатории и два – в испра-

вительных колониях на астероидах научили его быть жестким и не пасовать перед трудностями. Настоящего коска ¹ на атас не возьмешь!

Глеб хлестнул негритоса пиджаком по глазам и ринулся прочь. От мощнейшего удара одна из тугих пачек лопнула. Купюры полетели из кармана, усыпали тротуар.

– Зараза! Тыщи три жабе под хвост! – выдохнул Жмых, на глаз определив сумму потери и перехватывая пиджак поудобнее.

Растерявшийся и порядком оглушенный завываниями собственной кокарды негр стоял среди рассыпанных по бетону денег. Думай, думай, толстопузый, что тебе дороже – поимка преступника или жалованье за полгода, что сейчас валяется перед тобой на тротуаре. Собирай, пока коллеги не подъехали! Кокарда тебя не сдаст! Это ведь твоя кокарда!

Победила жадность. Толстый полицейский рухнул на колени и принялся загребать деньги похожими на хорошо разваренные сардельки пальцами.

Наблюдать за ним не было никакого резона. Вдали уже выла сирена. Патрульный катер мчался к месту происшествия.

Глеб смекнул, что патруль несется сейчас по улице Зеленой Обезьяны, а проезд сюда, на Кокосовую, в полукиломет-

¹ Коск – «космический каторжник». Изначально так называли себя те, кто по воле закона оказался на одном из тюремных астероидов. Косками также могут быть члены любого криминального сообщества. Понятие «коск» прочно вошло в языковую структуру и является общеупотребительным. Так называют всякого закоренелого преступника. (Здесь и далее прим. авторов.)

ре к морю. Значит, здесь они будут еще не скоро. У него есть время, чтобы убраться.

Жмых юркнул в вонючий дворик – туда, где раньше скрылась кошка-дроид. Навстречу вою патрульной машины. Потому что ждать копы не станут – примчатся сюда на всех парах. А улица Зеленой Обезьяны будет временно очищена от легавых!

Глеб выхватил из кармана мобильный телефон, ударил его о стену. Выключать некогда. А частоту полицейские могут засечь.

Он промчался вдоль стены как ветер, метнулся в сторону, споткнулся о высокий бордюр, взмахнул руками, но удержался на ногах. Вот и глухой тупик, еще одна стена, рядом – мусорный бак. Жмых забрался на бак и по колено увяз в гниющих отбросах. Но до забора из заполненного мусором бака можно допрыгнуть. Глеб перевалился через ограждение и оказался в каком-то общественном учреждении – то ли детском саду, то ли санатории. Большой двор, высокое пятиэтажное здание, фасад которого выходит на улицу Зеленой Обезьяны. А вокруг тропическая буйная зелень, подстриженные газоны, лиловые и желтые цветы. Бросалось в глаза хаотичное переплетение дорожек, устланных мягким пластиком и обсаженных по краям невысокими цветущими кустами.

Жмых ринулся по одной из дорожек, нащупал в кармане «глюк» с единственным патроном (только застрелиться и

хватит, да и то – не насмерть), пожалел, что не купил нож, когда один из скупщиков краденого предлагал по сходной цене. Впрочем, с патрульной службой Тропического пояса Нангуру с одним ножом не навоюешь. Вот если бы у него была полная обойма в «глуке», да еще пара гранат в придачу.

Обогнув здание, Глеб увидел округлую арку подъезда и толпу народа возле него. Одни стояли, чего-то ожидая, другие сидели в мобильных креслах с высокой выгнутой спинкой. Хватало здесь и людей в белых халатах.

Больница. Глеб метнулся было в сторону, намереваясь перелезть через забор и оказаться на свободной от полиции улице, но вой сирены слышался совсем рядом, и он понял, что опоздал.

– Недооценил, – буркнул Глеб и, перейдя на шаг, направился к парадному входу. Он постарался унять дрожь в коленках и придать лицу выражение сосредоточенное и строгое. Миновал толпу, поймав пару удивленных взглядов, и через стеклянные раздвижные двери вошел в здание. Кожу тут же закололо иголочками. Воздух насыщал легкие дезинфекционным составом, впитывался в поры кожи.

Молодая регистраторша-мулатка строго посмотрела на вошедшего. Глеб взял под козырек невидимой фуражки и скривил рот в гадкой усмешке. Поскольку его гримаса не возымела действия, он сделал недвусмысленный жест и чмокнул губами. Шоколадка отвернулась с самым возмущенным видом. Жмыха ее возмущение вполне устраивало.

Он свернул в один из коридоров и направился к лестнице.

На улице тем временем стало шумно. Там слышались крики и гул, который, стремительно нарастая, обратился в стрекот вертолетных винтов.

Глеб заспешил, толкнул дверь и оказался на лестнице. Он судорожно соображал, что предпринять для спасения. Не хватывать же, в самом деле, больных в заложники. Это не в его стиле. Да и один он вряд ли справится. Прыгая через несколько ступенек, Жмых помчался вверх по лестнице.

На третьем этаже у него родился смутный план действий.

Он осторожно выглянул в коридор. Повезло. Людей почти нет. Невысокий толстый человечек в белом халате стоял к нему спиной, изучая какой-то электронный документ. Глеб метнулся вперед, схватил человечка за плечо и резко развернул. Документ выпал из рук доктора и с хрустом впечатался в пол. Толстяк собирался закричать, но Глеб приложил палец к губам и пообещал:

– Пикнешь, стрельну!

Брошенный вниз взгляд убедил доктора, что «пикать» не стоит – в солнечное сплетение ему упиралось дуло черного «глюка».

– Тихо-тихо, на цырлах, валишь за мной, – скомандовал Глеб, – поднимаемся вверх по лестнице. Все понял, козлорогий?

Врач сглотнул слюну и едва заметно кивнул.

– Это ограбление?

– Это налет. Захват. Тьфу ты, тебе не все равно?

– Нет, конечно! Вы же напали на меня, и я должен знать.

Хотя, да, вы абсолютно правы, похоже, действительно все равно, – доктор ойкнул, потому что Жмых ткнул его дулом в живот.

– Шевелись, козлорогий!

– Почему вы так меня называете?

– Потому что ты козлорогий. Хватит вопросов!

Пошел.

Они скрылись на лестнице. Доктор напоследок бросил тоскливый взгляд в пустынный коридор, но там почти ничего не было. Только в самом дальнем его конце девушка в белом халате что-то отмечала стилусом на большой сенсорной панели – графики дежурств или выписки пациентов. Да еще тощий лысый больной дремал в мобильном кресле, уронив голову на грудь.

– Вы же ничего мне не сделаете, правда?! – поинтересовался толстяк, когда они двинулись вверх по ступеням.

– Хорошего ничего, – согласился Жмых. И добавил, увидев, что пленник занервничал: – Плохого тоже ничего, если ты мне поможешь.

– Что я могу, что я могу для вас сделать?

– Для начала давай сюда белый халат, – скомандовал Глеб.

Доктор кивнул. Стал вынимать руку из рукава, поморщился и остановился:

– Мне кажется, у вас совсем не мой размер. Только погля-

дите на ваш рост. К тому же я немного шире.

– Быстрее раздевайся! – поторопил его Глеб и хмыкнул: – Размер не тот. Вот дурак. Мы ж не на показ мод собираемся!

– Да, да, сейчас. – Доктор потянул рукав и вдруг ударил Глеба ногой в пах.

– Ох, ты! – выдохнул Жмых, рухнул на колени и почувствовал, как пленник мертвой хваткой вцепился в пистолет и пытается выкрутить ему кисть. Глеб рванул «глуок» на себя и ткнул противника растопыренными пальцами наугад, не глядя. Попал в живот. Толстяк вскрикнул, отшатнулся. Времени как раз хватило, чтобы Глеб оказался на ногах. Замахнулся пистолетом, собираясь приложить доктора рукояткой по темечку.

– Стойте, стойте, – закричал тот и замахал руками, – я сдаюсь. Сдаюсь! Я больше не буду.

– Хорошо-о-о, – промычал Глеб, у него даже зубы сводило от боли, расплзающейся внизу живота. – Урод проклятый! А еще врач называется! Клятву Гиппократа давал?! Не причинять вред людям?!

– Клятва Гиппократа вовсе не об этом. Вы перепутали ее с первым законом робототехники. Вот если вам понадобится медицинская помощь – дело другое. Непременно ее окажу! Независимо от обстоятельств!

– А! Ну, тоже неплохо.

Доктор успокоился, опустил руки, которыми закрывался, и тут же получил сильный удар в скулу. Охнув, он ударился

о стену и сполз по ней на пол.

– Не все же тебе меня колотить! – резюмировал Глеб. – А теперь халат снимай, сволочь козлорогая!

Пленник немедленно подчинился. Получив урок, он стал намного послушнее. Жмых снял с себя шикарный пиджак, сшитый из кожи гигантской мурены, вытащил из карманов деньги, перекладывая их в брюки, и кинул пиджак пленнику.

– На. Будешь сегодня фартовым выглядеть. Пиджак на-верняка фигурирует во всех сводках.

К тому же на нем осело столько пыли. Хороший подарок криминалистам из полиции!

– Мне не надо, – запротестовал доктор.

– Бери, пока дают, – нахмурился Глеб, – и чтобы я последний раз с тобой спорил. Еще раз рыпнешься – стрельну. – Он провел по стволу «глюка» указательным пальцем. – Знаешь, что это такое?

– Пи... пистолет.

– Не пипистолет, а просто пистолет, – презрительно заметил Жмых, – у этого пистолета убойная сила такая, дырку в тебе сделает полметра на полметра. Понял?

Пленник оживленно закивал, демонстрируя понимание и готовность выполнить любую просьбу похитителя.

– Вот и славно, – сказал Глеб, – теперь без фокусов. Пошли вниз.

– Вниз?

– Вниз. Я что, неясно излагаю? – Непонятливый доктор

бесил его все больше и больше.

– Но раньше вы говорили, что идти надо наверх.

– А теперь вниз. Или все же наверх? – В голове у Глеба все смешалось. Он предполагал, что ему каким-нибудь чудом удастся выдать врача за своего похитителя и смешаться с толпой возле здания. От плана за версту веяло отчаянным безумием, но другого выхода не было.

«Попал, как кур в ошип». – Глеб скрипнул зубами.

– Знаете, у меня есть к вам предложение, – заговорил доктор.

– Оно меня не интересует.

– А я думаю, интересует.

«Ну и наглеЙ! – подумал Глеб. – В него стволом пистолета тычут, а он то в драку лезет, то с предложениями выступает. Или наглец, или просто круглый дурак».

– Тебя мама в детстве не учила вежливо разговаривать с теми, у кого оружие?

– Послушайте, это поможет вам спастись, а мне остаться в живых. Вы ведь меня не убьете?

– Не сразу.

Увидев, что доктор мелко задрожал, Глеб фыркнул:

– Да шучу я, шучу. Накостыляю только по шее, когда отпускать буду. Ты меня ударил. Больно. Вот и я тебе больно сделаю. Валяй рассказывай, что у тебя за суперпредложение.

– На крыше есть посадочная площадка, – торопливо сообщил доктор, – там мой катер. Я бы мог дать вам ключи.

И вы безо всяких проблем выберетесь отсюда. Катер потом аккуратно поставите на стоянку. А меня не будете бить – я ведь так вам помог!

– Так уж и выберусь, так уж и безо всяких проблем, – проворчал Жмых, – а вертолеты ты не слышишь, умник?...

– У меня «Урал», – торжественно проговорил доктор, – если какой-нибудь из полицейских вертолетов догонит турбореактивный катер марки «Урал», то я сильно удивлюсь.

– А ты богатенький сукин сын, да? – поинтересовался Глеб.

– У меня есть немного денег, – потупился доктор. – Наследство. Мама оставила.

– Ладно, веди, козлорогий маменькин сынок, – решил Жмых, – если мы уберемся отсюда, так и быть, не буду тебя убивать. Отпущу подобру-поздорову.

– Мы?! О, нет-нет, я с вами не полечу!

– Еще как полетишь, козлорогий, а ну, – Глеб ткнул доктора дулом «глюка», – топай на крышу, толстяк. И побыстрее! И если нас собьют, – приговаривал он, подталкивая доктора, – мы умрем вместе. Я, знаешь ли, всегда думал, что на тот свет отправляться в гордом одиночестве – скучнее ничего не придумаешь.

Не успели они пройти и одного лестничного проема, как пронзительно заверещала сирена.

– Эвакуация здания, – перекрикивая шум, закричал пленник.

– Без тебя знаю, – огрызнулся Глеб, – прибавь шагу, пока я тебя не поторопил как-нибудь особенно больно. И не бойся. Всех эвакуируют не потому, что пожар, а потому что сюда пробрался я. А ты со мной уже встретился. Чего тебе теперь бояться?

– Я тут только что подумал, что вертолету ничто не помешает сесть на крышу, – подал голос доктор, – исходя из этого предположения, у меня имеется новое предложение.

– Заткнись! – взорвался Глеб. – Ты что же, думаешь, я буду тебя слушать?! Шагай вперед и помалкивай. Мы улетим отсюда на твоём «Урале» во что бы то ни стало. Если полицейский вертолет будет нас догонять, я выброшу тебя на ходу, чтобы увеличить скорость! Без груза «Урал» пойдёт резвее, правда? А весишь ты немало. Килограммов сто десять, не меньше.

– Только девяносто восемь.

– Неважно! Я почти угадал! И это отличный знак! Вперед, пузан козлорогий!

– Ладно, ладно, как скажете, – испугался доктор. – Только я бы хотел отметить следующее. Если вам себя не жалко, пожалейте хотя бы меня. У меня больная печень и старенькая мама в том возрасте, когда начинает развиваться старческий маразм.

– Ты же говорил, что мама оставила тебе наследство! А теперь выясняется, что она ещё жива! Нехорошо спекулировать на светлых чувствах людей, парень!

– Ну да, – заюлил доктор. – Наследство она оставила мне раньше, чем отправилась в лучший мир. Что же в этом плохого? Теперь я забочусь о ней. И об отце тоже. И о бабушке.

– О бабушке?! – поразился Глеб. – Так у тебя и бабушка есть?

– Конечно. И она мне наследство пока не оставила. Но я очень надеюсь на это. Я – ее единственный и любимый внук!

– У меня от тебя болит голова, – заключил Глеб и взял доктора на прицел. – Быстро вперед!

– Ой-ой, – тот замахал руками, – не стреляйте, прошу вас, не стреляйте. – И в следующее мгновение, испытывая, должно быть, острый стресс, метнулся к похитителю и ударил его коленом, снова угодив в пах.

– Ну, ты и сволочь! – выдохнул Жмых. На сей раз он только слегка согнулся, а распрямляясь, ударил толстяка в челюсть, сбоку.

Тот повалился, как мешок с комбикормом.

– Паразит козлорогий! – выкрикнул Жмых во весь голос и, уже не контролируя себя, выстрелил доктору в голову.

Облако газа хлестнуло эскулапа по лицу.

– Жаль, в пистолете не пули, – пробормотал Глеб. – Убил бы гада! Последний патрон на тебя истратил, слизняк!

Полностью разряженное оружие теперь можно было выбросить. Но Глеб рассудил, что имитация пушки все же лучше, чем ее отсутствие. Вот толстяк, которому теперь самому наверняка понадобится медицинская помощь, даже не

понял, что пистолет газовый. А уж заряженный пистолет от незаряженного и специалист не отличит.

Ключи от «Урала» нашлись в кармане рубашки поверженного доктора, который слабо сучил ногами по полу. Там же лежала фотография старенькой мамы. Суровая женщина средних лет взирала на Глеба с маниакальной свирепостью. Отбросив фотографию подальше, Жмых заспешил по лестнице на крышу.

Вертолет кружил над больницей, не опускаясь слишком низко – то ли для большей обзорности, то ли чтобы попасть в него с крыши или из окон было труднее.

– Боитесь, гады! – усмехнулся Жмых и замахал вертолетчиком обеими руками, изображая бурную радость. На нем был белый халат, и он рассудил, что любой здравомыслящий полицейский должен принять его за доктора.

Бочком, прячась за трубами вентиляции и кондиционирования, не слишком открываясь для удара дальнобойным парализатором, Глеб пробирался к припаркованному на крыше «Уралу». Такой роскошный катер представительского класса имелся здесь в единственном экземпляре. Сбоку сиротливо приютились две почти одинаковые «Амазонки», в центре стояло разбитое корыто «Бетельгейзе». Поодаль от других машин – служебный грузовик «Австралия» с красным крестом на высоко задранном брюхе.

– Гражданин, оставайтесь на месте! Вас заберут спасатели! – раздался рык с полицейского вертолета.

– Как же, заберут, – хмыкнул Глеб. – Вот этого мне как раз и не надо!

– Гражданин, оставайтесь на месте до окончания операции!

Намерения Глеба были для полицейских ясны. Да только не знали они, что он – не добрый доктор, любящий свою старенькую маму, а тот самый опасный рецидивист, из-за которого их сюда и пригнали.

– Я боюсь здесь оставаться! – проорал Глеб во весь голос. – Тут куча сумасшедших бандитов! Они стреляют из пистолетов и автоматов направо и налево! Кажется, я даже видел у них базуку! Да, точно видел! Кто-то целился из окна в вертолет! Поэтому я хочу убраться отсюда как можно скорее!

Полицейские вертолеты были оборудованы специальным прослушивающим устройством, которое считывало звук, отраженный от предметов, с помощью оптических средств и создавало эффект присутствия рядом с целью, даже если вокруг царилла натуральная какофония.

– Вам ничего не угрожает! Вы под защитой нашего пулемета! – отозвался полицейский с вертолета. Судя по интонациям, новость о базуке, из которой запросто можно подбить вертолет, его совсем не обрадовала. – Дайте нам номер телефона, мы свяжемся с вами. Вы можете оказать неоценимую помощь властям!

«Слышат, легавые ушастые! – с замиранием сердца поду-

мал Глеб. – Хорошо, что не слышали, как мутузил жирного доктора».

– В безопасности я буду только тогда, когда уберусь отсюда! – заорал он. – Я свяжусь с вами из катера! А телефон я потерял! Да! Вот так!

Похоже, против того, чтобы «доктор» добрался до катера, полицейские ничего не имели. Поэтому Глеб беспрепятственно преодолел расстояние до «Урала» и юркнул в прохладный салон.

Двигательные установки катера позволяли поддерживать режим кондиционирования даже на стоянке. Работал «Урал» на водородном топливе с абсолютно безвредной выхлопной системой. Окислившись водород превращался в чистую воду, которую при желании можно было даже пить. Редкое для Мамбасу экологически чистое средство передвижения.

«А доктор и правда богатенький! Изводить столько водорода для того, чтобы сесть в прохладный автомобиль? Шикует, плесень».

Глеб развалился в кожаном кресле, которое приятно пружинило под ним, огляделся. Кристаллопроигрыватель, радио, портативный стереовизор, симфоароматизатор. Автопилот, как же без него? Передал управление автопилоту, когда мчишь, скажем, над морем – и смотришь стерео. Всякие эротические программы. С подружкой, которая почти лежит на соседнем кожаном кресле. Таком мягком и упругом. Да,

заманчиво. Надо бы купить себе такой катер. Только стоит он не две тысячи рублей и даже не двадцать.

Два задних сиденья «Урала» были поскромнее. Пластик, хоть и дорогой, но все же не кожа. Да и развалиться на них не получится. Места для друзей, которых захотел взять с собой. А между пластиковыми сиденьями – мини-бар.

Жмых распахнул дверцу, вытащил из холодильника ледяную бутылку пива, сорвал крышку, отхлебнул. Красиво жить не запретишь! Глянул из-под стекла вверх, на вертолет: не заметили легавые, как доктор освежается пивом прямо за рулем транспортного средства?! Легавые – люди странные. Узнай они, что он ограбил больничный сейф – неизвестно, пустятся в погоню или нет. Их вызвали сюда по другому поводу. А вот увидят пьяного за рулем – и ничто их не остановит. Будут гнать его, как зайца, до самого полюса.

Щелкнув тумблером включения радио, Глеб услышал рассерженный голос полицейского:

– Доктор, почему молчите? Почему молчите, доктор!

– Отвяньте, – выдохнул Жмых. – Я в себя прийти не могу. Там, внизу, целая банда орудует. Они убили доктора Родригеса, и доктора Санчеса тоже подстрелили. Захватили медсестер Лизу, и Бетти, и Каролину, и Жозефину. Что теперь с ними будет?

Полицейский, как было слышно по звуку, доносящемуся из динамиков радио, остервенело стучал по сенсорам своего компьютера.

– О каком докторе Родригесе речь? В списке персонала больницы не значится ни одного Родригеса!

– Да это ж прозвище его, – слабым голосом отозвался Глеб. – Он на латиноса похож, вот мы все звали его Родригес. И Санчес тоже.

– И Санчес похож на латиноса? – уточнил въедливый полицейский.

– Санчес похож на Санчеса, – вздохнул Жмых. – Что вы от меня еще хотите? У меня стресс! – Он бухнул кулаком по приборной панели. – Спрашивайте, что вам нужно, скорее, потому что я убираюсь отсюда. Не хочу, чтобы со мной сделали то же, что и с Бетти!

– А что с ней сделали? – спросил полицейский дрогнувшим голосом. Видно, воображение уже рисовало ему картинку разгула банды негодяев.

– Кхм. Кхм. Ей прострелили ляжку. Бедняга Бетти была толстовата. И пуля попала в самую филейную часть. Как верещала бедняжка! И ползла по полу. Ели ползла. А вот я смог убежать.

– Вы бросили раненую девушку одну?

– Такова жизнь, – вздохнул Глеб, заводя главный! двигатель. – Примите чуть в сторону, господа! Я убираюсь из этой проклятой больницы. Проваливаю отсюда! Улетаю с этой чертовой планеты! Только вы меня и видели! Что это за государство, которое не может обеспечить безопасности своим гражданам? Что это за страна, в которой бандиты врываются

прямо в больницу, размахивая оружием?

– Мы запрещаем вам взлет! – заорал полицейский. – Вы мешаете проведению операции!

– Плевал я на ваши операции! – огрызнулся Глеб. – Мне своих операций хватает! Ведь я хирург. Я вам не говорил? Лучший хирург в Мамбасу. Я это... как его... светило мировой медицины. В сторону – или я протараню ваш вертолет!

С этими словами Жмых потянул рычаг управления на себя. «Урал» свечкой взмыл в небо. Беглеца крепко вдавило в кресло.

«Ничего себе, – прошептал Глеб. – Этот катер даже лучше, чем я думал! Куда там полицейскому вертолету!»

А «Урал» все набирал высоту. Мамбасу расстилался внизу, как на ладони. Кварталы белых зданий, утопающих в зелени, – богатые районы, государственные учреждения. Серые маленькие коробочки среди желтого песка или буйствующих джунглей – районы бедняков, тех, кто считал, что питаться вдоволь – этого достаточно, чьи амбиции не шли дальше покупки подержанного автомобиля или старой моторной лодки, кто не мечтал иметь двухэтажный особняк, а довольствовался четырехкомнатным флигелем с двумя кондиционерами.

Поодаль синела морская гладь. На горизонте едва угадывался песчаный мыс, на котором был расположен космодром.

– А ведь, пожалуй, на космодроме проще будет затерять-

ся, – подумал Глеб. – Да и Мамбасу – это больше не актуально. Можно и правда убраться с этой планеты. Ларочке напишу письмо. Или не напишу. Последнее время она располнела, перестала за собой следить. Пусть думает что хочет! Не видать ей новых сережек. И денег больше не дам.

– Гражданин, посадите катер на карантинную площадку возле Первого госпиталя, – надрывался полицейский из радиоприемника. – Вы понимаете, что в ваш катер мог пробраться бандит? Что вы можете стать пособником преступников?

– Тут никого нет, – нагло заявил Глеб. – Даже я – лишь воспоминание на этой планете. Я улетаю – и черт бы вас всех побрал! Привет Бетти-с-Простреленной-Ляжкой и презренному Родригесу!

– Вы лишитесь прав на вождение! Будете оштрафованы! Мы собьем ваш катер!

Глеб замолчал и двинул рычаг управления вперед. «Урал» перестал набирать высоту и понесся вперед, к морю, к далекой полоске песка космодрома.

– Остановитесь, гражданин!

– Оставьте меня в покое, легавые! – заорал Глеб. – Бандитов лучше ловите, а не честных граждан! Спасайте пышку Бетти!

Он ударил кулаком по сенсору радио, выключая его. Активировал кристаллопроигрыватель. Выбрал Вивальди. И понесся над морем под тему «Осени» и «Времен года».

То ли полицейские на самом деле поверили в истерику «гражданина», то ли Жмыху, как всегда, не изменила удача, только до космопорта он добрался без лишних проблем и без погони на хвосте. Конечно, буквально через час, когда больницу обыщут, а толстого доктора приведут в чувство и заставят говорить, станет ясно, что произошло. И на космодроме его будут искать с утроенной силой. До той поры нужно повернуть много дел.

Жмых аккуратно припарковал «Урал» на лучшее и самое дорогое парковочное место – зачем экономить, доктор за все заплатит, – порылся в ящичке с личными вещами. Ничего ценного не обнаружилось. Коробка мятной жевательной резинки, открытая пачка презервативов, рулон туалетной бумаги, влажные салфетки и губная помада. Помадой Глеб написал на приборной доске матерное ругательство – боль в паху осталась неприятным напоминанием о нервном докторе.

Стянув с себя белый халат и прихватив с заднего сиденья барсетку, в которой очень удобно разместились пачки с деньгами, Жмых выбрался под палящее солнце. Если в городе стояла жара, в космопорте, лежащем среди песков, царило настоящее пекло. Над бетонным двухметровым забором высились громады космических кораблей. В воздух то и де-

ло взмывали небольшие паромы, которые везли пассажиров на дальнюю и ближнюю луны.

Неподалеку от платной парковки располагался автомат дальней связи. С него можно было позвонить даже в другую звездную систему. Но и для звонков по городу автомат годился.

Жмых решительно направился к автомату, но его каким-то непостижимым образом опередил бледный юноша со взором горящим. Пробежал, размахивая руками, сорвал трубку с держателей, вставил в прорезь расчетную карточку и заблеял, вглядываясь в изображение на экране:

*Прекрасен лик твой, о моя принцесса,
Чудесница любовного процесса.
Когда я вижу образ твой прелестный
То забываю мир наш серый, пресный.*

«Дело худо, – понял Глеб. – Затянется не на один час. По местному тарифу болтать – копейки стоит».

Жмых пожевал губами. Ему показалось, что он слышит в отдалении вой полицейской сирены. Он подошел к телефону, положил руку на плечо молодого человека и со всей убедительностью, на какую был способен, проговорил:

– Парень, мне срочно надо позвонить в систему Проциона. Прервись на пару минут.

Парнишка обернулся. Глеб мгновенно отдернул руку. На щеках поэта обнаружили две черные извилистые линии.

Зрачки у него были по-кошачьи вытянуты. Лемуриец. Хорошо, что он вовремя заметил, к какой расе относится юноша. Лемурийцы – натуры тонкие, впечатлительные, интересующиеся искусством – поэзией, живописью, архитектурой, но если их разозлить, они впадают в боевой экстаз и потом себя не помнят. Вообще-то в Мамбасу представители иных галактических рас встречались редко. Чужаков местные власти не жаловали. Но лемурийцы так походили на людей, что глаза не мозолили. Смешавшись с огромным количеством терпимых к инородцам гостеприимных русских, они расселились по всей планете. Кое-кто, может, и не придал бы значения извилистым линиям на щеках и суженным зрачкам парнишки, но только не Жмых. На астероиде он навиделся, на что способны разъяренные лемурийцы. Там их сторонились даже самые жестокие убийцы. Возьмет такой вот тоненький паренек самой интеллигентной наружности, покраснеет, как вареный рак, завращает бешено глазами да и оторвет тебе голову. А потом будет с недоуменным видом пялиться на бездыханное тело, потому что ничегошеньки не помнит о том, как подобное безобразие получилось.

– Хе-хе, – сказал Глеб, поскольку от неожиданности не смог выдать ни звука, – эх-хе-хе. Ты, кажется, уже договорил?

– О, вам нужно позвонить? – доброжелательно переспросил поэт.

Жмых подтвердил свои намерения энергичными кивка-

ми.

– Милая, – проговорил лемуриец в трубку, – здесь какой-то интересный человек просит предоставить автомат в его пользование, ему нужно срочно связаться с системой Проциона. Надеюсь, ты извинишь меня за то, что я позволю ему позвонить. Могу заверить тебя, что потом немедленно вернусь и дочитаю посвященное тебе стихотворение.

– Что еще за человек? – отозвался капризный голос из динамика. – Прогони его.

– Не могу, милая. Прости, но я свяжусь с тобой чуть позже, целую тебя, моя драгоценная, я ухожу, но непременно вернусь. – Любезный лемуриец нажал кнопку отключения и обернулся к Глебу: – Пожалуйста, звоните.

– Ага, – откликнулся Глеб, сунул карточку в прорезь и принялся выстукивать шестнадцатизначный номер. На всякий случай он поглядывал на ошивающегося рядом поэта. Тот ходил из стороны в сторону, шевелил губами и размахивал руками. Выражение его лица временами приобретало торжественный вид, а затем принимало трагическое выражение.

– Алло, Свиня, слышишь меня? – спросил Жмых, – когда уловил в трубке знакомое сопение.

– Ну, – отозвался грубый прокуренный голос.

– Узнал?

– Ну.

– Хочу тебе сдыхать висюльки рыжие.

– Типа золото? – впервые отозвался осмысленной фразой

Свиня.

– Возьмешь?

– Ну.

– Приезжай в космопорт. – Жмых огляделся в поисках приметных мест и продолжил: – Кафе «Белорыбица». Под тентом.

– Сорок минут, – объявил Свиня.

– Мне нужно быстрее.

– Хорошо, тридцать минут.

За что Жмых уважал Свиню – это за серьезный подход к делу и убежденную пунктуальность. Ну и жадность скупщика краденого вошла в поговорку. Ехать за сережками в космопорт по самой жаре в надежде нажиться рублей на десять – такого можно было ожидать только от Свини.

Лемуриец позади начал проявлять признаки беспокойства.

– Извините, мне показалось, что вы звонили не на Прощион, – проблеял он. – С Прощиона моцион мы не сделаем в Мамбасу.

Жмых оглянулся, в очередной раз пожалев, что у него нет с собой газовика. А схватываться с лемурийцем голыми руками, пожалуй, не стоило.

– Ты в курсе, парень, что подслушивать нехорошо? – нахмурившись, спросил Жмых.

Лемуриец смутился. Щелочки его зрачков даже немного

расширились.

– Правда? – переспросил он.

– Точно, – ответил Глеб.

– Так я и не подслушивал. Случайно вышло. В ждал, когда освободится телефон, чтобы позвони своей любимой Амалии.

– Она что, тоже лемурийка? – бесцеремонно спросил Жмых.

– Да. Конечно. Мне нравятся некоторые земные девушки, я могу посвятить им строфу-другую, но в же лемурийки прекраснее.

– Ага. Кошки облезлые, – бросил в сторону! Жмых. – Ни кожи, ни рожи, и фигуры, как у подростков.

– Извините, не расслышал вас, – шевельнул ушами лемуриец.

– Я говорю: к слову о девушках, надо еще позвонить. На Прочион. Я и собирался звонить на Прочион, но вспомнил, что моего звонка очень ждет один друг.

– Звоните, – скорбно вздохнул поэт. Опасаясь оставлять за спиной безумного лемурийца, который к тому же раскусил его хитрость, Жмых постоянно оглядываясь, набрал двадцатидвухзначнь номер. В наушнике щелкнуло, и томный голос проговорил с придыханием:

– Алло!

Изображение на экране по какой-то причине не появилось. То ли со связью случились перебои, то ли Софочка не

хотела, чтобы ее видели без макияжа. Женщины к видеофону всегда относились с презрением, предпочитая голосовую связь.

– Соф-и-иик, – постаравшись изобразить максимальную нежность, позвал Жмых.

– Это ты, Глебчик, дорогой? «Узнала», – самодовольно подумал Жмых.

– Ну а кто еще? Я, конечно.

– Ты где? На Проционе?

– Пока нет. Но скоро буду. И упаду в твои объятия, Софик.

– Ты при деньга-а-ах? – протянула она.

«Вот ведь, – подумал Глеб, – только деньги ее и интересуют. А сколько я на нее, дуру жадную, спустил прошлый раз?»

– Не волнуйся, не на мели, – соврал Глеб. – Все просто отлично. Только соскучился очень. Ты же меня знаешь. – Так приезжай скорее, – голос у Софочки стал медовым, – ты же знаешь, я всегда тебя жду. – Обязательно приеду, – пообещал Жмых. – Слушай, Софа, я решил с тобой не расставаться. Делаю, тебе предложение. Официальное. Кольцо вручу лично. При встрече.

На другом конце линии на несколько секунд воцарилось молчание.

– Правда?

– А то?!

«Могу и жениться, – отстраненно подумал Глеб. – На месяц стану семейным. Надо же где-то перекантоваться. Даже

фамилию ее возьму. Чем чаще меняешь фамилию на законных основаниях, тем лучше. А как же ее фамилия? Цуккермейстнер, кажется. Хорошая фамилия».

– У меня тепло и уютно, – проворковала Софочка, – когда тебя ждать, котик?

– Кто там? – вдруг зазвучал в трубке грубый мужской голос.

– Ой, – вскрикнула Софочка.

– Это еще что такое?! – проговорил Глеб. – Кто там у тебя?

Поэт– лемуриец ахнул и принялся сочувственно трясти головой, словно козел, ворвавшийся в огород, полный тугих капустных кочанов.

– Я спрашиваю, кто там?! – зазвучал снова грубый голос. – А ну ты, гадюка, включи-ка мне изображение на минутку. Чтобы я знал, кому всадить нож сердце!

– Нет, – крикнула Софочка, – я люблю тебя Друмда! И тебя, конечно, Глеб! Приезжай, я согласна.

Связь оборвалась.

– Та-а-ак, – протянул Глеб и грохнул трубку на рычаги. – Друмда, значит! Ну и имечко у этого типа или фамилия? Такую фамилию я бы себе не взял...

Визит на Процион откладывался. Мало ли что Софочка согласна. Можно, конечно, полететь, посмотреть, что там за Друмда с грубым голосом. Но разборки с любовниками Софочки – а они сплошь воры убийцы – сейчас совсем ни к чему. Только зря потратил деньги...

– Извините, – приблизился лемуриец, – я опять случайно услышал ваш разговор и хочу сказать: не расстраивайтесь так! – Он положил руку на плечо Глеба. – Нет, в самом деле, любовь стоит того, что ней говорят величайшие поэты прошлого. Она стоит величайших жертв, которые ей приносят. Но мне хотелось бы, чтобы вы поняли. С крахом любви не завершается жизнь. Вы наверняка встретите девушку прекрасную во всех отношениях. Ту, что со временем разделит ваши чувства, завладеет вашим сердцем. По этому поводу у меня есть пара строк. Не желаете послушать?...

– Нет! – ответил Глеб со всей возможной мягкостью, хотя тирада поэта-лемурийца вызвала у нег серьезное раздражение. Он осторожно освободился о лежащей у него на плече ладони. – Может быть, другой раз.

– Но ведь другого раза может и не быть.

«Оно и к лучшему», – подумал Жмых, а вслух сказал:

– Ты не против, лохматый, если я сделаю еще один звонок?

– Вы так сильно ее любили? – поинтересовался поэт.

– Возможно, – уклончиво ответил Глеб, повернулся и принялся выстукивать новый номер. Поэт все время оставался в его поле зрения. Кто знает, чего ждать от лемурийца? Что может вызвать его гнев? Напрасно он брякнул это в высшей степени неудачное обращение – «лохматый». Но лемуриец и правда даже не заросший, а именно лохматый! А взгляд на бледном лице так и пылает.

Жмых ласково улыбнулся лемурийцу и подумал, что, если разгорится конфликт, надо сразу его вырубать. Поискал кругом тяжелое и решил, что ударит его в лоб трубой.

На сей раз экран просветлел. На нем обрисовался изящный дамский силуэт. Суровая брюнетка сжимала в тонких пальцах бокал с вином. Левая рука, украшенная тяжелым золотым браслетом, лежала на подлокотнике кресла. Длинные ногти брюнетки отливали темно-алым, словно она только что потрошила голыми руками тушу дикого зверя.

– Мари, – выдохнул Глеб, – давно не виделись.

– Давно, – согласилась Мари, разглядывая собеседника с неодобрением. – Пожалуй, это и к лучшему? Где это ты? Похоже, в космопорте?

– Вроде того, – откликнулся Жмых. – Представь себе, приехал, чтобы вылететь к тебе сей же час. Как ты на это смотришь?

– Когда мы виделись последний раз, ты оставил меня без копейки.

– Мне нужны были хоть какие-то деньги на первое время, – заметил Глеб, – к тому же я собирался при первой же возможности все тебе компенсировать.

– Ну-ну, – ответила Мари, – давно вышел?

– Ты и про это знаешь.

– Лучше не появляйся здесь, Глеб. Я в тебе разочаровалась. А когда я в ком-то разочаровываюсь...

Глеб даже отстранился от экрана видеодисплея.

– Напрасно ты так, крошка! Я ведь тебя люблю. И хотел тебе сделать предложение.

– Простите, – вмешался лемуриец.

– Чего тебе?! – огрызнулся Глеб.

– Это еще кто? – заинтересовалась Мари.

– Никто, – ответил Глеб. – Так ты ждешь мен или нет? Я хочу тебя! Хочу взять тебя замуж.

– Ваше поведение аморально, – сообщил поэт перебивая Глеба, – сначала вы звоните одной даме затем другой. Предлагаете обоим руку и сердце. А между тем чувства требуют...

– Да пошел ты, – взорвался Глеб, забыв, с кем имеет дело, – пошел со своими чувствами к черту! За ткнись, сволочь косоглазая!

– Ну, почему же. Пусть говорит. – процедил Мари, – это очень интересно. Значит, сначала он звонил одной, потом другой. И я – на втором месте. Интересно, а третий номер у тебя тоже припасен? Низкий негодяй!

– Ничего я не низкий. На пять сантиметров выпи тебя, хотя ты – та еще дылда!

– А та, первая, что же, не захотела тебя видеть? – мстительно спросила Мари. – Промахнулся? Но каков негодяй – позвонить мне второй! Заводи себе сколько хочешь шлюшек в разных портах, но предпочесть мне кого-то.

– Кто не захотел меня видеть? Ты что такое говоришь?! – выкрикнул Глеб. – Ты что этого, косоного слушаешь? Да он

несет не пойми что!

– Нет, позвольте, – запротестовал лемуриец, – я никогда не унижаю себя и окружающих ложью. Я только хотел сказать, что чувства требуют бережного обращения!

Мари расхохоталась.

– Приезжай ко мне, косоглазенький! Я люблю таких, с чувствами! А этому мерзавцу расцарапай как следует физиономию! Давай, пока линия не рассоединилась!

Глеб вспомнил, что за развлечение Мари сейчас платит он, и выдернул расчетную карточку из автомата. Экран погас. В трубке зазвучали короткие гудки.

– Проклятье, – выругался Глеб и развернулся к лемурийцу. – Ты что, совсем ничего не замечаешь, чмо болотное?

Он осекся, вспомнив, с кем имеет дело.

– Чувства... – начал поэт, нисколько не обидевшись на эпитеты, которыми награждал его Жмых.

– Слушай, ты, – перебил его Глеб, – мне некогда разводить разговоры о всякой ерунде. Меня преследует полиция. И я собираюсь убраться с этой планеты прямо сейчас. Ты понял? Так что отойди в сторону и дай мне дорогу. Вот, у меня и ствол есть. Так что берегись!

Жмых продемонстрировал лемурийцу разряженный «глюк», наполовину вытащив пистолет из кармана брюк.

– Это очень интересно, – кивнул поэт. – Не смею вас задерживать. Счастливого пути.

– Стучать не пойдешь? Смотри, я тебя из-под земли до-

стану!

– Нет, у меня сейчас другие заботы, – объявил лемуриец. – Мне надо поговорить с возлюбленной. Вы так кстати освободили телефон.

Лемуриец приник к трубке и часто задышал в нее, шепча.

*О благородное и нежное создание,
Венец всегалактического мироздания,
Прекрасны твои глазки, твоя кожа,
И носик твой прекрасен очень тоже.*

Жмых сплюнул и направился под тент в кафе. Там он бросил барсетку с деньгами на стол, поджидая робота-официанта.

– Кваса. Ледяного, – потребовал Глеб. – Бутерброд с сальсами. Нет, два бутерброда. И еще кваса.

– Заказ принят, – сообщил робот. – Желаете прочесть газету? Послушать новости?

– Включи стереовизор, конечно, – вздохнул Глеб. – Узнаем, что в мире творится.

– Белой рыбы доставить? Фирменное блюдо.

– Я не люблю рыбу. Тем более искусственную. В здешних морях белая рыба отродясь не водилась. Так что за квасом! Быстро!

Робот поспешно укатился, а в тени, над стойкой бара, загорелся большой плоский экран. Худенькая девушка-ведущая упоенно рассказывала:

– Третья городская больница Мамбасу захвачена бандой негодяев. Выйти на контакт с ними властям пока не удастся. По всей видимости, подонки с городского «дна» пришли во дворец здоровья за наркотиками. Да так там и остались. Большинству сотрудников и пациентов удалось покинуть ставшее ловушкой здание. По сообщениям из достоверных источников, в больнице остаются доктора Родригес, Санчес и Кротов. Бандиты удерживают также медсестер. Нам известны только их имена: Лиза, Бетти, Каролина, Жозефина. Бетти, по сообщениям тех же источников, ранена.

«Эге, да у меня есть некоторая фора, – усмехнулся Глеб. – Пока полицейские воюют с несуществующими бандитами, я успею убраться с этой планеты. А доктора, стало быть, звали Кротов. Ну, Кротов, попадись мне еще!»

Затарактел спиртовой двигатель, и вскоре возле кафе «Белорыбица» остановился старый-престарый автомобиль. Похоже, в нем даже кондиционера не имелось. Во всяком случае, окна были открыты настежь.

Дверь открылась, и под палящее солнце вылез потный и замученный Свиня – грязноватый мужичок лет сорока. Он быстро преодолел несколько метров и опустился на кресло перед Жмыхом.

– Показывай! – буркнул Свиня вместо «здравствуйте».

– На, – знакомый с манерами партнера Жмых сунул ему под нос серьги кассирши Мамба-банка.

– Пятнадцать, – коротко бросил Свиня.

– Ты их за шестьдесят сбудешь! Давай хоть тридцать!

– Двадцать пять.

– Ладно. Пистолет не возьмешь? «Глюк»? Свиня достал из кармана грязные купюры, оглядел Глеба.

– Не нужен мне твой «глюк». Оружие – не мой профиль. А ты когти рвешь? Куда собрался?

– На Процион. Меня там любимая ждет, – соврал Жмых. Никогда не помешает пустить погоню по ложному следу. А Свиня сдаст его без душевных терзаний.

Прикатился робот-официант. На его тележке стояли две большие кружки с квасом, лежали бутерброды с салями. Свиня сразу же ухватил кружку. Протянул руку и к бутербродам, но Глеб поспешно схватил оба, положил один на другой и начал жевать.

– Любимая, значит?

– Ну да. Женюсь на ней.

– Ну и дурак, – коротко ответил Свиня.

– Чего это?

– Умные люди канают на Дроэдем.

– Что? Как ты сказал?

– Дроэдем, – повторил Свиня. – Рай на земле. Андроиды вкалывали там лет тридцать. Или пятьдесят. Золотые шахты, изумрудные копи, хлопковые плантации, стада овец. Там есть все, что нужно для роскоши. И куча богатеев, которые спонсировали проект. Жилье стоит копейки. Настроили много, а желающих переезжать пока мало.

– Угу, – недоверчиво кивнул Глеб. – Рассказывай. Что ж народ туда не попер, если там так классно?

– Никто еще фишку не просек, – сообщил Свиня. – Я и сам собираюсь туда податься. Через пару недель. Где богатеи – там и мои клиенты. Потому как богатеев грабить каждому хочется. Что толку воровать пирожки на рынке в Мамбасу?

– Что-то ты разошелся, Свиня. Говорить как человек стал, – заметил Глеб.

– Ну, – усмехнулся Свиня, показав кривые зубы.

– А рейсы туда есть? – спросил Глеб.

– Рейсы есть, да только личность твоя засвечена, – процедил Свиня. – Я радио в дороге слушал. Так твои приметы там излагали – только держись. Вплоть до пиджака. Кстати, пиджак куда дел? Я бы его купил рублей за пять.

– Другу оставил, – фыркнул Глеб. Сообщение Свини ему совсем не понравилось.

– Извините, что нарушаю ваше уединение, – раздался вдруг голосок из-за спины Жмыха.

Глеб едва не подпрыгнул. Да и у Свини отвисла челюсть.

– А, это опять ты?! Чего надо?!

– Я тут случайно услышал ваш разговор. У меня к вам есть дело.

– Он не из полиции? – поинтересовался Свиня.

– Вроде нет.

– Все равно, я канаю.

– Счастливо вам канать, – улыбнулся лемуриец. Глеб про-

щаться не стал. Все равно ответной вежливости от Свини не дождешься.

Скупщик краденого покосился на поэта сердито: в словах вежливого лемурийца ему почудилась издевка.

– Так вот, о делах, – начал поэт. – У меня есть к вам некое предложение. Дело в том, что я хочу свалить отсюда вместе с вами!

– Вместе со мной?! – опешил Жмых. – Это еще зачем?!

– Во-первых, одному тяжело управляться с кораблем, – пояснил лемуриец. – Во-вторых – мы можем пригодиться друг другу. Вы... Как это называется у русских? Хлеб крошенный.

– Что? – поразился Жмых.

– Булка тертая.

– Булка? Булки знаешь у кого? Еще и тертые. Да на астероиде таких, как ты...

– Калач! – радостно прокричал лемуриец. – Вы – калач!

– А, тертый калач, – успокоился Глеб. – Это точно. Я – калач тертый. И что с того?

– Мы можем помочь друг другу. Соглашайтесь.

– Соглашаться на что? – поинтересовался Жмыхи скривился. – Ты вообще соображаешь, с кем базары подобные трешь? На кого булки свои крошишь, амфибия скользкая? Я, между прочим, человек авторитетный. У меня две отсидки от звонка до звонка. Я бурду вот этим самым горлом кушал. А еще два срока в учреждении полусанаторного типа отмо-

тал. Ты понял, сочинитель вялых виршей, с кем связался?

В ответ лемуриец энергично закивал:

– Вы-то мне и нужны.

– Ты мне не выкай! – рассердился Глеб. – Я хоть и постарше тебя в плане жизненного опыта и объема мозговых извилин буду, а все же не хаами, парниша, усек?

– Хорошо, хорошо. Так вы, то есть ты, согласен?

– Согласен смыться отсюда с тобой вместе? Ну, положим.

Что дальше?

– Мы должны угнать корабль! – сообщил лемуриец, обаятельно улыбнулся и взъерошил гриву волос.

– Ты, паря, того, не чокнутый часом? – заинтересовался Жмых. – Вот так сразу взять – и угнать корабль?!

– Если ты согласен, я изложу тебе подробности своего плана. Нашего плана. Ты – кулич тертый. Ты мне поможешь. И я тебе помогу.

– Я-то калач тертый. Ты понял? Калач, а никак не кулич, не бублик какой-нибудь. А вот насчет твоей тертости у меня сильные сомнения имеются. И не только по поводу тертости. Еще я за мозг твой воспаленный серьезно беспокоюсь. Сдается мне, паря, мозгом ты несколько ушибленный.

– Не сомневайтесь, уважаемый!

– А я и не сомневаюсь. Ушибленный, как пить дать. Да и корабль угонять – это чересчур как-то даже на слух. Другое дело – билет по липовым бумагам оформить.

– Взять корабль – не проблема! – сообщил поэт.

– Ты, стало быть, по-крупному работаешь? – осведомился Жмых, оглядывая поэта с недоверием.

– Сережками не промышляю.

– Сережки – только подработка, – оскорбился Глеб, – языкастый ты парень, как я погляжу. А поначалу тормоз тормозом мне показался.

– Стало быть, слабо тебе со мной лететь? – продолжал наседать на Глеба поэт.

– Ты меня на слабо не бери, борзописец лохматый. Да, валить мне из Мамбасу надо. И валить как можно скорее. Но ты мне доверия не внушаешь. Вот что печально.

– Напрасно. Мы с давним приятелем давно собирались отсюда сорваться. Ему тоже очень нужно было покинуть эту планету как можно скорее. Но, к несчастью, с ним случилась неприятность. Я обнаружил сегодня утром его тело. – Поэт вздохнул. – Выглядел он совсем нехорошо. И вызвал у меня, существа тончайшей душевной организации, весьма острый приступ расстройства.

«В гробу я видел такую тонкую душевную организацию, – подумал Жмых, – сам же, небось, его и пришел. Только зачем мне рога мочить?»

Тут он услышал, как в отдалении уже знакомо взвыла сирена. «Совсем затравили, псы легавые!»

– Ладно, как попасть в зону вылета?! – буркнул он. – На месте разберемся – или зайцами на лайнер межзвездный пролезем, или, и правда, челночок какой-нибудь при-

хватим да на орбитальную станцию подадимся. Там юрисдикция своя.

– Об этом я как раз и хотел с вами поговорить. У меня давно все просчитано. И самым наилучшим образом расплачено. В общем-то, есть целых два способа...

– Даешь первый. – Глеб обернулся, ожидая, что над платной стоянкой вот-вот появятся полицейские вертолеты и катера.

– Первый способ не слишком привлекателен с точки зрения гигиены. Но мы все же можем им воспользоваться. В настоящий момент канализационный колодец должен быть открыт. За небольшую сумму я договорился с одним из служащих аэропорта, что он случайно забудет запереть крышку на молекулярный замок. Миновав колодец, мы без лишних проблем выберемся непосредственно в туалетную комнату пассажирского крейсера.

– В сортир? Из колодца?

– Конечно. Вылетали когда-нибудь на пассажирских крейсерах? Видели уборные? Или вы полагаете, что сливные трубы этих туалетов узкие? Уверяю вас, туда можно протащить даже слона!

– Мы-то не слоны, – вздохнул Глеб. – Но канализационный колодец?! – Он с сомнением поглядел на свои когда-то белые брюки и сплюнул далеко в сторону, – ладно, валяй веди. Время не ждет.

– Есть и другой вариант, не такой надежный, но...

– Нет, – отрезал Глеб, – Главное – не попасться! Пошли, я сказал, нечего время терять.

– Но...

– Никаких «но», быстро в тоннель! И кончай разговаривать, как диктор из визиометра. Излагай по-человечески. Чтобы коротко и ясно.

– Хорошо, если вы так настаиваете, я постараюсь придать своей речи примитивный окрас, – поэт сделал приглашающий жест и стремительно зашагал прочь от платной стоянки.

Скрепя сердце Глеб последовал за ним. Осуществлять космический перелет в компании лемурийца ему совсем не улыбалось, но не хотелось упускать столь неожиданно представившийся шанс смыться из Мамбасу. Здесь на него объявлена настоящая охота. Совсем озверела полиция. К тому же поэт пока не успел продемонстрировать дурной нрав. Оставалась надежда на то, что этот лемуриец особенный, он не станет впадать в боевой раж из-за случайно сказанного слова и бросаться на всякого с целью убить.

«Придется следить за базаром, – решил Глеб. – А как выберемся из Мамбасу, постараюсь от него избавиться».

– «Постараюсь придать примитивный окрас», – передразнил он поэта. Вот ведь муфлон корявый!

* * *

Спустившись по лестнице, они оказались по щиколотку

в навозной жиже. Запах здесь стоял такой, что Глеб пошатнулся и схватился за стену, измазав ладонь чем-то бурым.

– Ты же говорил, канализационный колодец свободен, – выдавил он.

– А что, ты видишь охрану? Или решетки? Колодец свободен.

– Решеток нет. Охраны тоже. Но тут полно дерьма! – Оно тебя волнует? Нет. Может быть, оно гонится за тобой? Преследует? Разговаривает с тобой? Плывет себе потихоньку по своим делам и никому не мешает.

– Я думал, оно может помешать существу с такой тонкой духовной организацией, как у тебя.

– Чепуха, – равнодушно бросил поэт. – Нет роз без шипов, нет любви без смерти. Вам ли, опытному человеку, этого не знать?

– Что ты мне опять выкаешь, как почетному пенсионеру?! – Глеб помрачнел еще больше. – Я, кажется, ненамного старше тебя – только ходок да задержаний больше. – Подумал и добавил: – Наверное. Будешь говорить мне «ты» или нет?

– Я честно старался не раздражать вас. Или тебя. Воспитание не позволяет мне говорить «ты» незнакомым людям.

– Меня Глеб зовут, – представился Жмых, – теперь я уже не незнакомый. Можешь звать меня по имени и на «ты».

– И все же мы еще очень мало знакомы.

– С тобой что, поделиться моей биографией, чтобы ты на-

чал называть меня на «ты»? А фамилия моя Жмых. И погоняло – Жмых. Хорошо жить с такой красочной и сочной фамилией! Тебя зовут – Жмых. И ты не обижаешься. А вот знал я, к примеру, парня, так у него кликуха была Навоз.

– В этом колодце он бы, наверное, чувствовал себя в своей стихии, – отметил лемуриец.

Глеб захохотал, эхо отразилось от стен, и его смех унесся вдаль по коридору. Он продолжал хохотать и даже согнулся, придерживая руками живот.

– Ой, ха-ха-ха, не ожидал от тебя. А ты веселый парень, как я погляжу.

– Есть немного, – согласился с улыбкой лемуриец, – итак, ты готов идти, Жмых?

– Не знаю, – ответил Глеб и поднял ногу. Жижя отозвалась громким «хлюп». – Неужто это все могли сотворить пассажиры одного-единственного лайнера, будь они неладны?

– Согласно постановлению земного правительства, загрязнение цивилизованного космоса запрещено. – Лемуриец пожал плечами. – Вот и везут все дерьмо сюда.

– Да знаю я про это постановление. – Глеб решительно шагнул вперед, потом еще и еще раз. Вонь буквально сбивала с ног.

«Пропахнешь тут на всю оставшуюся жизнь, – подумал он, – никогда не отмоешься. И станешь крайне непопулярным у женщин. Сможешь встречаться только с теми, у которых хронический насморк. И день за днем слушать, как эти

соплюшки сморкаются».

Мурашки побежали у Жмыха по спине.

Через пару десятков шагов тоннель терялся во мраке.

– Ясное дело, – буркнул Глеб и свирепо зыркнул на поэта, – кому придет в голову освещать канализацию. Ты фонарик хотя бы захватил? Дай-ка я угадаю. Конечно, нет?

– Увы, нет, – отозвался поэт.

– Увы, нет?! – рассердился Жмых. – Лучше бы увы, да. И что же, нам теперь топтать в темноте?

– Ты сам выбрал этот путь.

– Угу, – покорно кивнул Жмых. – Слышь, лемуриец, а зовут-то тебя как? Я тебе представился, а ты – ни гуту. Это у вас в роду вежливость такая или один ты инкогнито хранишь?

Лемуриец пожевал тонкими губами.

– Нет. Я просто считал – может быть, тебе мое имя вовсе и не интересно? Так что же я буду навязываться?

– Ты, стало быть, сильно вежливый. Или весь на понтах? Ну, так мне интересно. Точнее, может, мне и не очень интересно, но надо же тебя как-то к миске с баландой звать? Все-таки вместе чалимся.

– Меня зовут Лукас. Лукас Раук.

Глеб хмыкнул, остановился, взгляделся в лицо лемурийца, едва различимое во тьме.

– Не пойму – ты что, издеваешься? У тебя имя, как у латиноса.

– Я получал паспорт в латинской зоне.

– Да что мне твой паспорт? Кликуха у тебя есть? Или как тебя по-настоящему зовут?

Лемуриец угрожающе зашипел.

– Эй, эй, да я не имел в виду ничего плохого! – пошел на попятный Жмых. – Не хочешь говорить – не надо. Буду тебя хоть Родригесом звать.

– А я и не сказал ничего плохого, – заявил Лукас. – Так меня зовут по-лемурийски. Вряд ли ты сможешь произнести.

– Ну, почему же, – на мгновение задумался Глеб. – Шш-шзвдзвжжж!!!

– Нет, совсем не так, – печально опустил уголки губ лемуриец. – Даже близко не похоже. А клички у меня нет. Я же не закоренелый бандит.

– Ясно, – хмыкнул Глеб. – Слушай, твоя река из дерьма никак не заканчивается! А только становится глубже. Темно уже, как... В общем, не важно где. И просвета не видно.

– Думаю, идти уже недалеко.

– Ладно, пошли, тьфу ты. – Во рту после болтовни в канализации стояла такая мерзость, что оставалось только все время отплевываться.

– Запах действительно не очень приятный, – будто бы только что заметил лемуриец.

– А ты думал, канализация пахнет фиалками? – Раздраженно поинтересовался Глеб.

– Кстати, в природе существуют цветы, имеющие запах

испражнений, – с улыбкой на лице заявил Лукас.

– Очень ценная информация. Лучше бы в природе имелось дерьмо, от которого так и несет тонким ароматом духов.

Шагов через пятьдесят впереди заплясали лучи фонарей.

– Опа! К нам идут фонари, – заключил Глеб. – С одной стороны, это хорошо, а с другой – вдруг они вооружены?

– Разве что резиновыми дубинками, – откликнулся лемуриец.

– Почему? Ты знаешь, кто это?

– Служба ассенизации космопорта, – сообщил поэт, – нам немного не повезло. Как раз сейчас они делают обход тоннеля. Я всегда говорил, все в жизни зависит от слепого случая. А дубинки им нужны, чтобы отбиваться от крыс.

– Тут еще и крысы водятся? – опасливо вжал голову в плечи Жмых.

– Да. Мутанты. С кролика размером. Но их мало. Редко встретишь крысу в здешних тоннелях. Дело случая, как я уже говорил.

Глеб снова сплюнул, еще более яростно.

– Это в твоей жизни все от слепого случая зависит. А в моей жизни я сам решаю, когда и что должно произойти. – Он замолчал на мгновение и неожиданно заорал, да так, что лемуриец вздрогнул всем телом: – Эй вы, скорее сюда, нам нужна помощь!

– Кто здесь?! – испуганно закричали с другой стороны. Для них вопль из темного тоннеля, похоже, тоже стал неочи-

данностью. Пятна света побежали по стенам и высветили поочередно сначала бледное лицо лемурийца, затем растянутую в широкой неестественной улыбке физиономию Жмыха.

– Мы здесь, друзья, – проорал он. – Дубинки с вами? Потому что мой приятель зацепился за какую-то железяку, которая никак не хочет его отпускать.

– При чем тут дубинки? – шепотом поинтересовался лемуриец.

– При том, – ответил Глеб и выкрикнул: – Эй, вы, так дубинки с вами или нет?

– Кто вы такие? – пришел с небольшой задержкой ответ.

– Да не слепи ты нас фонарем, дурак. Подойди поближе да посмотри сам, кто мы такие. – Глеб пощупал в кармане «глюк», надеясь хрястнуть ассенизаторов рукояткой по макушкам, как только представится удобный случай. Но доставать пистолет из кармана не стал. Ассенизаторов не разглядишь, может, у них в руках оружие? Тогда, увидев пистолет, они сразу начнут стрелять.

– И вообще, – нашелся Жмых. – Знаете, кто мы такие? Мы... Вы вот проверяете канализацию, а мы пришли проверять вас! Ясно?

– Точно, – вякнул поэт, – мы вас сейчас хорошенько проверим!

– Ты же не унижаешь себя ложью, – выдавил Глеб, несколько удивленный выступлением лемурийца.

– Сейчас другой случай.

Вскоре, привыкнув к свету, бьющему им в лица, Жмых и Лукас смогли рассмотреть двух крепышей в форме космопорта и высоких рыбацких сапогах. Голенища сапог доходили им до самого паха. Один из крепышей ростом был огромен, почти подпирал потолок. Другой, напротив, был маленького роста, но наружность имел угрожающую. Тяжелая нижняя челюсть и большие хрящеватые уши выдавали агрессивность натуры. Остановившись поодаль, ассенизаторы с подозрением разглядывали гостей канализационной системы космопорта.

– Проверяющие? В таком виде? Нас на мякине не проведешь! – отрывисто заявил высокий ассенизатор и сдернул с пояса парализатор.

– Дубинки, говоришь, у них только. – Глеб задумчиво посмотрел на лемурийца. – У тебя, вообще, с головой как, поэт? Влип я из-за тебя в историю.

– План составлял не я, – поэт дернул плечами.

– А кто?

– Приятель мой! Но с него теперь уже не спросишь.

Глеб хотел было обругать поэта последними словами, потом вспомнил, что случилось с приятелем лемурийца, и счел за благо промолчать, хотя на языке так и вертелись очень славные многоэтажные выражения и просто обидные слова.

– К стенке, – приказал высокий ассенизатор.

– Так сразу и к стенке, – хмыкнул Глеб. – Вы, часом, не расстрелять нас собираетесь? Документы бы хоть провери-

ли.

– Надо будет, расстреляем, – угрюмо сообщил маленький. – И документы проверим. А сейчас – мордой к стене!

– Ваше поведение негуманно, – отметил лемуриец. – Общественность вас осудит.

– Вот дам тебе сейчас по роже, узнаешь, кто из нас негуманный, – неожиданно обиделся маленький. – Здесь канализация! Понял? Ты вообще можешь отсюда не выйти!

– К стенке, – повторил высокий.

Пришлось подчиниться. Ассенизаторы повесили фонарь на так кстати торчащий из стены крюк и спешно обыскали пленников. Отобрали барсетку с деньгами, извлекли из кармана Глеба пустой «глюк». К счастью, оружие Глеба заинтересовало их гораздо больше, чем содержимое барсетки.

– Пистолет, – заключил высокий.

– Да какой пистолет? Похож просто, – ответил Жмых, – на самом деле это тренажер мышцы указательного пальца. Он у меня усыхает. Вот я его и тренирую постоянно.

– Гляди-ка, шутит, собака, – хмыкнул маленький ассенизатор, обладавший, по-видимому, неплохим чувством юмора – чертой, столь необходимой всем ассенизаторам, – и ударил Глеба под ребра так, что тот скрипнул зубами и покосился на мучителя с ненавистью. Для одного-единственного дня побоев ему хватило с избытком. | – Этому тоже двинуть? – поинтересовался высокий.

– Конечно, дай ему по роже. Чего тебе стоять без дела.

«Не заметили, что имеют дело с лемурийцем», – отметил для себя Жмых и мысленно расплылся в улыбке.

Ассенизатор ударил поэта, но не по лицу, а по спине, зато кулаком, да так сильно, что тот жалобно вскрикнул и упал на колени, разбрызгивая зловонную жижу.

– Еще хочешь, гы?! – поинтересовался высокий. – Говори, кто такой? Почему по вверенной нам территории шастаешь?

– По всему видно, что хочет еще по печени получить, – поддержал его маленький. – Дай-ка теперь я его стукну.

– Не трогайте его, – вмешался Глеб, заметив, что лемуриец подозрительно долго стоит на коленях и качает головой из стороны в сторону. – Здесь я главный! И вообще, я большой человек там, наверху!

– Ты что, вздумал нам угрожать?! – Маленький ассенизатор развернулся и отвесил Глебу звонкую пощечину. – Наверху ты хоть президент Мамба-банка. А в этих тоннелях имеется только дерьмо и ассенизаторы. На ассенизатора ты не похож. Статью не вышел.

– Где уж мне, – покорно протянул Жмых.

– Значит, статус свой понимаешь? Жмых смолчал.

– А я похож на ассенизатора? – с надеждой осведомился Лукас.

– Нет, – покачал головой низкорослый. – Хотя комплекция у тебя более подходящая.

– Что мы с ними чикаемся? – неожиданно разъярился высокий. Схватив лемурийца за ухо, он начал его выкручивать,

повторяя: – Ну, говори, кто такой! Все равно ведь все потом расскажешь. Так уж лучше нам. Ничего пистолетик. – Высокий покрутил «глюк» перед глазами, – славная вещичка. – Он прицелился в Глеба, делая вид, что вот-вот выстрелит. – Смотри, сейчас пальну, и будешь ходить с дыркой в голове. А через нее одна твоя извилина будет всем видна. Будешь потом рассказывать, как в канализации тебе башку продырявили. Гы.

Все произошло в считанные секунды. Голова высокого ассенизатора вдруг мотнулась в сторону. Одна нога взлетела вверх, ударилась о стену, он развернулся вокруг своей оси и рухнул на спину, подняв целый фонтан брызг. Второй резко повернулся к поэту и отшатнулся в страхе. Лицо лемурийца выражало бесконечную злобу, глаза обратились в узкие щелки, в них не было ничего, кроме ненависти к врагам. Рот кривился и исходил пеной. Поэт сжимал и разжимал кулаки и шипел, словно готовая броситься гремучая змея.

– Не надо, – попросил ассенизатор, забывший об имеющемся у него оружии. – Ма-ма!

Оба кулака лемурийца врезались в его лицо одновременно, в правую и левую скулы. Ассенизатор будто оказался на мгновение между молотом и наковальней. Секунду спустя, глухо булькнув, бедняга скрылся из виду. Темная жижа сомкнулась над его ушибленной головой.

Пару секунд в канализационном тоннеле царила абсолютная тишина. Только на бурой глади под светом фонаря наду-

вались и лопались круглые пузыри.

– Проклятье, – выругался Глеб. – Вся барсетка в дерьме!

Подняв сумку, которая болталась на поверхности, грозя в любой момент утонуть, он аккуратно повесил ее рядом с качающимся фонарем. По подземелью заметались причудливые, страшные тени. Жмых вздохнул и полез в зловонную кашу, извлекать уродливых служащих космопорта. Он посадил их у стены, проследив, чтобы нос и рот у ассенизаторов были над поверхностью жижи. Обыскал карманы маленького и нащупал пистолет. «Глюк» перекочевал к нему. А вместе с «глюком» и вся наличность, какая имелась в их бумажниках, кредитки и пропуска на территорию космопорта.

– Мокруха нам ни к чему, – сказал Глеб, не слишком надеясь на понимание со стороны лемурийца. Одно дело – незаконное вторжение и взлом, ну еще причинение тяжких телесных повреждений. И совсем другое дело – преднамеренное убийство или даже неоказание помощи.

Все то время, пока Жмых чистил карманы ассенизаторов, поэт стоял поодаль с потерянным видом и щурился в темноту тоннеля, словно силился что-то там разглядеть.

Жмых по опыту, полученному в колониях, знал, что еще около получаса после вспышки гнева лемуриец будет не в себе. Он взял поэта за рукав и поволок за собой по коридору. Луч фонаря высвечивал бетонные стены и протянутые под самым потолком провода коммуникаций.

Так они добрались до железной лестницы, ведущей на-

верх. Возле нее висела труба огромного, метра два в диаметре шланга, подсоединенного вверху к днищу пассажирского лайнера. Лукас к этому времени начал немного говорить. Правда, чаще тряс головой и побулькивал горлом.

– Стало быть, ты предлагаешь лезть в этот шланг? – осведомился Глеб.

Лемуриец угрюмо кивнул.

– Прежде ты пробовал делать такое?

– Нет.

– И ты считаешь, что мы сможем выбраться через горловину унитаза, если даже поднимемся по скользкой мокрой резине?

– Шланг идет из системы рециркуляции, а не из туалета. Система рециркуляции – это большой зал, где проходит частичная очистка корабельных нечистот. Он постоянно открыт для доступа обслуживающего персонала. Пассажиры туда, естественно, не ходят.

– Да? Ну, тогда ладно. Слушай, а каким был второй способ?

– Вчера я подкупил охрану, мы могли пройти на борт пассажирского судна до Арктика по поддельным билетам.

– Что?! – вскричал Глеб. – И ты молчал?!

– Ты же настаивал на первом способе, – напомнил Лукас. – А о втором и слышать ничего не хотел.

– Идиот. – Глеб осекся, вспомнив постигшую ассенизаторов участь. – Я не хочу лезть по этой кишке! Давай лучше

поднимемся и осмотримся.

– Как скажешь.

Поднявшись по металлической лестнице, лемуриец и человек вывалились из канализационной системы на бетонные плиты космопорта. Шланг «дерьмоотвода», идущий к кораблю, был стыдливо прикрыт пластиковыми щитами. Впрочем, изнутри поле космодрома было отлично видно, и выбраться из-за пластикового забора не составляло никакого труда.

Неподалеку раздался гул. От земли оторвался челнок и стремительно взмыл вверх. Порыв горячего ветра долетел даже за пластиковое ограждение.

Жмых подошел к щели в заборе, огляделся. И увидел неподалеку транспортный корабль. Рядом сустились несколько роботов, готовили его к полету – проверяли топливные баки и пусковую установку.

– Бежим скорее! – крикнул Глеб. – Вон какое-то судно готовится к старту! На нем и смоемся отсюда. Зачем лезть в лайнер, где каждый захочет проверить у тебя билет, прятаться там в трюме с крысами и крысунами, когда мы можем стать хозяевами на собственном корабле! Такой маленький, симпатичный кораблик. И я даже знаю место, куда мы полетим.

– Угу, – поэт кивнул. – Свой корабль – это славно. Я, между прочим, умею управлять почти всеми космическими кораблями. Поэтому и предлагал сразу угнать какой-нибудь

челночок.

– Всеми? Ну, ты загнул, – хмыкнул Глеб.

– На самом деле всеми. Я проходил гипнотическое обучение.

– То есть по-настоящему никогда не летал?

– Нет, конечно. Я же не профессиональный пилот. Но уверен, что справлюсь. Управлять космическим кораблем – не стихи писать. Тут особого таланта не нужно.

– Это конечно. Вот писать стихи – дело другое, – хмыкнул Глеб. – Ты когда-нибудь опишешь, как мы смылись из Мамбасу. В стихах. Договорились?

– Непременно.

Жмых отодвинул пластиковый щит, вышел на бетон космодрома под палящее солнце и твердой походкой направился к грузовому кораблю. Лемуриец ковылял следом. Он еще не до конца оправился после боя с ассенизаторами.

Обогнув транспортник, они наткнулись на рабочего космопорта, который, насвистывая, тащил к пассажирскому лайнеру тележку, полную металлического хлама. Увидев парочку в грязной одежде, он поначалу опешил, потом скривился, зажал нос и поспешил ретироваться.

– Запах – наше оружие, – отметил Лукас. Глеб в очередной раз сплюнул.

– Он принял нас за ассенизаторов на подработке.

А те подонки внизу еще говорили, что мы на них не похожи. Очень даже похожи! Особенно ты.

– Спасибо, – скривился поэт, – всю жизнь мечтал на ассенизатора походить.

– Видишь, мечты сбываются. Даже самые дурацкие.

Не обращая внимания на трудящихся роботов, они поднялись по трапу и забрались в корабль. Внутри сильно пахло машинным маслом. Освещение было скудным. В первом отсеке горели тусклым, унылым светом всего несколько лампочек.

– Похоже, взлетать пока не собираются, – сказал Лукас. – Иначе здесь были бы члены команды, да и освещение зажгли бы поярче...

– Зачем нам команда? – поинтересовался Глеб. – Ты же умеешь водить? Или летать? Словом, управлять этой посудинкой? Вот и полетим.

– Да нас же не выпустят с территории космопорта!

– Как нас задержат, хотел бы я знать? – хмыкнул Глеб. – Решеток над кораблем я что-то не видел. Не будут же они сбивать мирный транспортник.

Дорогу мошенникам преградил андроид с гаечным ключом в руках.

– ...который угнали взбесившиеся андроиды, – продолжил Жмых. – С дороги, синтетика!

– У него ключ, – опасливо заявил Лукас.

– У него не только ключ, но и непреодолимый запрет нападать на людей, – хмыкнул Глеб. – С дороги, я сказал! Люди на корабле есть?

– Нет, – четко ответил андроид, отступая в сторону.

– Я – ваш новый капитан. А это – пилот, – объявил Жмых, кивая на Лукаса. – Взлетаем через пять минут. Подготовить корабль к старту!

Андроид постоял несколько секунд молча – видно, консультировался через импланты с другими членами команды, такими же андроидами, как и он сам.

– Завершение погрузки ожидается через два часа, – сказал он. – Прикажете прервать погрузку?

Жмых усмехнулся, обернулся к лемурийцу и подмигнул ему.

– Конечно, прервать. Без вопросов. Что везет корабль?

– Титан в слитках.

– Кстати, куда мы направляемся?

– В систему Канопуса.

– Да в системе Канопуса половина астероидов из титана! – воскликнул Глеб. – Вы ополоумели, дурни синтетические! Нет, нет и нет! Наш пункт назначения – Дроэдем! Слышал о такой планете?

– Я не навигатор, – скромно ответил андроид. – Я – рядовой механик.

– Вызвать сюда навигатора. Чем он занимается? Валяется где-то в трюме? Или принимает ванну в машинном масле? Как вы вообще отдыхаете? – Жмых разошелся не на шутку.

– Помощник пилота осуществляет погрузку вместе со всеми, – невозмутимо заявил андроид. – Мы не отдыхаем. Нам

это не нужно.

– Тогда ты почему здесь околачиваешься?

– Гаечный ключ искал, – пояснил андроид.

В коридоре раздался топот, и перед Глебом и Лукасом застыл еще один андроид – ничем не отличимый от первого.

– Я – навигатор, – заявил он.

– Надо крест на тебе мелом нарисовать, – хмыкнул Жмых. – Чтобы от других отличать. А ты что встал? – обратился он к первому андроиду. – Быстро собирай остальных – и в трюм, или где вы там живете?

Вместе с андроидом-навигатором Глеб и Лукас вошли в рубку управления.

– Да, небогато, – вздохнул Жмых. – На пассажирском лайнере было бы повеселее.

Действительно, жесткие пластиковые кресла мало походили на роскошную мебель салонов пассажирских лайнеров, а откидные койки красноречиво указывали на то, что и спать им придется здесь же, в рубке управления.

– Запасы провианта имеются? – спросил Жмых у андроида.

– Стандартный набор. Пища на экипаж из четырех человек на год.

– Так, жратвы навалом. Давай-ка поторапливай своих – взлетаем немедленно! И сам помоги им.

– Есть, кэп! – Навигатор развернулся и затопал к выходу.

– Ишь ты, кэп, – хмыкнул Глеб и обернулся к Лукасу: –

Ладно, разбирайся тут пока с управлением, а я пойду потороплю их. А то этот навигатор не слишком быстрый. Они тут все – тормоза от природы! Точнее, от конструкторского бюро...

Лемуриец опустил в пластиковое кресло и положил руки на приборную панель.

– Кое-что припоминается, – сообщил он, – но смутно. Гипнотическая программа была пиратской. Может, что-нибудь важное там отсутствовало.

– Ничего, вспомнится, – подбодрил его Глеб, – сейчас отыщем среди андроидов второго пилота. И дело пойдет. Но ты все равно напрягай пока извилины.

Жмых пошел к выходу. По пути ему встретилось несколько андроидов, которые направлялись в рубку управления.

– Молодцы, – одобрил Глеб, – туда, куда нужно, идете, поможете тому типу, что в кресле пилота, освоить управление кораблем.

– Есть, кэп, – басовито ответили синтетические люди.

У выхода Глеб остановился и поморщился от досады. Андроиды перемещались по трапу очень медленно. Шли, построившись в цепочку, высоко поднимая колени.

В – Скорее, скорее, уроды! – заорал Жмых и затопал ногами. – Все загружайтесь в корабль, все! А ты чего встал там, кретин? – прикрикнул он на одного из синтетических людей. Тот по какой-то причине замешкался снаружи, топтался на месте и покачивал головой из стороны в сторону. – Ты. Да,

ты. Я к тебе обращаюсь. А ну, иди сюда. Сюда иди, я кому сказал. Ты кто, рабочий? Механик?

– Я – второй пи-лот, – сообщил андроид.

– О, второй пилот, – обрадовался Глеб. – Так чего тут мнешься, как фраер на допросе?! В корабль немедленно. И в рубку управления. Давай, вперед, вперед. Шевели булками.

Андроид затопал по трапу. Следом за ним выбралась из-за стоящей поодаль ржавой ступени космического корабля и потянулась целая вереница таких же, как он, одетых в красные с синим комбинезоны синтетических людей.

– Эти откуда взялись? – удивился Жмых. – Вы откуда, додики?

– Э-то мо-я вспо-мо-га-тель-ная ко-ман-да, – пояснил второй пилот.

– Ладно, грузитесь все, все грузитесь, я сказал! Только побыстрее. А то у меня плохое предчувствие. Всё? Все на борту? Отлично. – Жмых нажал кнопку, крышка люка опустилась с характерным хлопком. С тихим шипением заработала гидроустановка, производя герметизацию внутренних отсеков звездолета.

– Идите в рубку управления! – скомандовал Глеб.

Андройды в красно-синих комбинезонах затопали внутрь корабля.

– Полетели, дружище, – сказал Глеб, нажав на кнопку коммутатора.

– Это кто такие?! – услышался крик лемурийца. – Тут

целая толпа каких-то странных андроидов явилась.

– Второй пилот и вспомогательная команда с ним, – сообщил Глеб. – Загрузились в последний момент, а то пришлось бы тебе лететь без второго пилота. Хех.

– Но у меня уже есть второй пилот!

– Что?! О, черт! – Глеб увидел в иллюминатор, как в отдалении зависли военные вертолеты и из них все прыгают-прыгают люди в камуфляже с автоматами и магнитными пушками наперевес и бегут к кораблю, забирая его в полукольцо. – Стартуем, Лукас! – проорал он в коммутатор. – Позже разберемся, кто второй пилот, кто третий, кто двести сорок седьмой! Взлетай, кореш, а то тут такое начинается!

– Хорошо, – откликнулся лемуриец. – На взлет! Заработали дюзы, раскаленный воздух поплыл, и корабль подбросило сразу метров на сто.

Глеб упал на пол. Его едва не расплющило стартовой перегрузкой. Он невольно позавидовал хитрому Лукасу и андроидам, сидящим в удобных пластиковых креслах.

Повиснув на долю секунды в точке включения основного двигателя, корабль плавно развернулся, заревело рвущееся на волю синее пламя, и в мгновение ока звездолет унесся прочь, оставив внизу душный город, космопорт на окраине Мамбасу-горб и досадливо орущих друг на дружку полицейских и военных: «Кто упустил?! Я упустил?! Да пошел ты!»

Распростертого на полу Глеба осветила бушующая снаружи огненная стихия – и в следующее мгновение ярко-крас-

ное зарево сменилось густой космической чернотой, посверкивающей ледяными крупинками звезд.

Гравитация пришла в норму. Жмых, кряхтя, встал на четвереньки. Чувствовал он себя так, словно пара бравых легавых несколько часов буцала его форменными ботинками. Ребра, во всяком случае, ломило. И виски тоже.

Миновав пустующий темный отсек, Глеб ввалился в рубку управления.

– Поднимайся, – скомандовал он одному из андроидов и, когда тот встал, почти упал в пластиковое кресло, – фуф, так-то оно получше будет. Что ж ты, гад, меня не предупредил?! – поинтересовался он у лемурийца. – Я крикнул: «На взлет!» – заметил тот.

– Ладно, – недобро усмехнулся Глеб, – я тебе тоже как-нибудь крикну: «На взлет!», когда такая возможность представится. Попомнишь меня.

– Что-то не так?

– Именно. Я тебе больше скажу. – Глеб уже собирался высказать поэту все, что он о нем думает, но к нему вдруг подбежал и вытянулся в струну навигатор:

– Капитан, только что получено указание из Мамбасу.

Интонации его голоса Глебу не понравились, поэтому он, нахмурился, приказал:

– Сто отжиманий.

Андроид рухнул на пол и принялся отжиматься, продолжая смотреть на Глеба.

– Капитан, – начал он, не прекращая спортивных упражнений, – приказ из Мамбасу.

– Что еще за приказ? – буркнул Глеб. – Тем более из Мамбасу, будь оно неладно.

– Мы должны немедленно развернуть корабль и посадить его обратно на космодром Мамбасу.

– Глупости, я твой капитан и только я могу тебе приказывать.

– В мою программу внесена поправка о прерогативе приказов командного пункта, – сообщил навигатор.

– Ты начинаешь меня раздражать, – Глеб смерил андроида свирепым взглядом, – сейчас дам тебе пару пенделей, и поймешь, чьи приказы важнее. Понял?

– Вынужден подчиниться приказу из центра, – откликнулся андроид, завершил сотое отжимание и поднялся с пола.

– До чего ж ты наглый. – Жмых вскочил на ноги. – Я не посмотрю, что ты синтетический. Отделаю, как настоящего!

Рука искусственного человека упала на плечо Глеба. Не прилагая видимых усилий, он усадил его в кресло.

– Ты что делаешь, гад? – выкрикнул Жмых, несколько обескураженный демонстрацией силы со стороны андроида.

– Спокойнее, – проговорил Лукас, – сейчас мы его деактивируем. Он свою задачу уже выполнил. – Лемуриец пробежался по кнопкам, и навигатор вдруг сложил руки на груди, уселся у стены и закрыл глаза. Остальные андроиды поступили так же. Все, за исключением тех, что были в крас-

но-синих комбинезонах.

– Вот так будет лучше, – проговорил Лукас.

– Он не встанет? – спросил Глеб, массируя плечо. – Пальцы у них, как тиски. Чуть ключицу не поломал.

– Они впали в состояние сомати. Головной андроид у них навигатор. Если он впадает в сомати, рядовые делают то же. Правда, все равно дышат, сволочи.

– Как же им не дышать? – удивился Жмых. – Если они дышать не будут, подохнут ведь.

– Об этом я и хотел поговорить, – вздохнул лемуриец и замолчал. Повисла пауза.

– Ну и... – поторопил Глеб. – Если ты хочешь меня заинтриговать, у тебя получилось. Я весь – одно большое ухо.

– Проблема с андроидами в красно-синих комбинезонах.

– Они несколько тормознутые. Я это заметил еще перед стартом. И что?

– А то, что они – списанная на берег команда потерпевшего аварию при посадке сухогруза «Титаник».

По крайней мере, так утверждает их головной – второй пилот.

– Тогда какого черта они ошивались возле нашего звездолета?! – выругался Глеб.

– Они говорят, что просто сидели рядом с временным складом, ожидая, когда за ними придут и дадут им новое назначение, – пожал плечами Лукас. – А потом ты позвал их.

– Я позвал?! А, ну да, я их действительно позвал. Вот

черт. – Жмых нахмурился.

– Но проблема даже не в них. Проблема в потреблении воздуха. Я проверил, кислорода до Дроэдема нам не хватит, – сообщил лемуриец. – Андроиды в красно-синих комбинезонах – старой модификации и кислорода потребляют в два раза больше, чем каждый из современных образцов.

– И речевой аппарат у них морально устарел, – отметил Глеб и передразнил андроида: – Я второй пилот. Еще бы сказал, идиот, второй пилот чего. Вот попали так попали.

– Может быть, и нет, – задумчиво заметил Лукас. – Ведь «красные» андроиды не управляются из центра. Они вообще списаны на берег. И будут подчиняться только нашим приказам.

– Так это здорово! – Настроение Жмыха тут же изменилось. – Всего и делов-то – избавиться от лишних андроидов.

– Убить?! – ужаснулся Лукас.

– Зачем так сразу – убить? Просто вышвырнем их за борт!
И все дела.

– Но они же погибнут!

– Да брось ты! Это ж синтетика!

– Но они мыслят! Разговаривают. Один даже восхищался моим творчеством. Ты, к сожалению, не слышал, но в момент старта я прочел стихотворение. Если хочешь, я могу и тебе прочесть. Андроиды тоже с удовольствием послушают.
Во второй раз.

– Пожалуй, не стоит. Много удовольствия для андроидов.

– Да, пожалуй... Они могут не выдержать наплыва чувств, – согласился лемуриец.

Жмых задумался. Он, конечно, был преступником. Тем, кто ходит по краю и находится за гранью общественной морали. Но к убийствам, пусть даже синтетических гоминидов, все же относился негативно. Иной раз раздражение брало над ним верх, и его так и подмывало дать кому-нибудь по роже, но одно дело – хорошенько дать по кумполу, кто этого заслуживает, и совсем другое – находясь в твердом рассудке и трезвой памяти (или наоборот, Глеб точно не помнил), совершить преднамеренное убийство. С другой стороны, за это убийство их вряд ли накажут. Преступление подпадает под раздел «причинение вреда чужому имуществу» – а уж такого вреда Жмых в своей жизни причинил немало.

– Если ты думаешь, что мне нравится этот выход, ты сильно заблуждаешься, – сообщил он Лукасу. – Более того, это противоречит моим принципам. Один из них звучит так – никогда не убивай никого, пока окончательно не приперло.

– И часто тебя припирало? – заинтересовался лемуриец.

– Пока что нет, – вздохнул Глеб. – Что касается андроидов... Если они отключаются полностью, то могут обходиться без кислорода много дней. Да что там без кислорода – они без всего могут обходиться. Их потом включают – и вся недолга. Понял?

– Я, разумеется, знаю, что, если они отключатся, с ними все будет в порядке, – кивнул Лукас. – Но мы же не сможем

их отключить.

– Может быть, они сами отключатся в критической ситуации, – предположил Глеб. – Или их отключат из командного центра. А потом подберут. Да, конечно, отключат. А потом прилетят на челноке и пособирают. Каждый андроид стоит тысяч тридцать. Не будут же они деньги кидать на ветер. Точнее, в пустоту. Так что не заморачивайся! Пойдем пошвыряем их в шлюзовую камеру!

Лукас поднялся с пилотского кресла.

– Хорошо, пойдем. Кажется, выбора у нас нет.

– Кстати, а почему бы нам не приказать «красным» слегка потрудиться на благо общества? Зачем работать самим? – сообразил Глеб и пропел:

*Воровка никогда не станет прачкой,
и коск не подставляет финке грудь,
зачем нам грязной тачкой руки пачкать,
мы это дело перекурим как-нибудь.*

– Лучше не стоит, – поморщился Лукас. – «Красные» андроиды сейчас подчиняются нам. Но, если в их и без того слабой и старой программе произойдет сбой, – последствия могут быть непредсказуемыми. Как бы они нас самих не пошвыряли в шлюзовую камеру.

– Это меняет дело, – кивнул Глеб. – Тогда, конечно, есть смысл поработать. Ради собственного спасения.

Он поднялся с кресла, попытался сделать шаг и тут же уле-

тел к самому потолку рубки – стукнулся головой и плюхнулся вниз, приложился боком о жесткую койку.

– Елы-палы! Невесомость? – выдохнул Жмых. – А ты опять молчишь?

– Невесомости нет, – спокойно объяснил Лукас. – Мы ведь пока разгоняемся, идем на тяге. Поэтому имитация силы тяжести имеется. Но ускорение уменьшилось, соответственно сила тяжести стала меньше. Снабжен ли этот корабль гравитационными компенсаторами – я еще не выяснил. Может, нам все время придется лететь в невесомости. Так что надо поторопиться выкинуть андроидов, если ты все еще настаиваешь на этом. Это нужно сделать до перехода в подпространство. А то подобрать их не будет никакой возможности.

– Ладно, – кивнул Жмых. – Берем этого, что ближе ко мне, и понесли. Может, пока двигатель вовсе выключить? Чтобы таскать их легче было?

– Вижу, что ты не пробовал таскать грузы в невесомости, – ответил Лукас. – Поверь мне, производить работы в невесомости гораздо сложнее, чем при нормальной силе тяжести. Это только кажется, что легко.

– Ну, тебе виднее, – не стал спорить Жмых. – Я на пилота не обучался... Давай еще и этого, с синей лентой на плече, сверху положим.

– Давай.

Двух андроидов тащить было не так уж и тяжело. Жмых

шел впереди, пятясь задом и время от времени покрикивая на Лукаса, чтобы тот не напирал. Шлюзовая камера располагалась уровнем ниже, поэтому человеку и лемурийцу пришлось спуститься по крутой лесенке, одолеть длинный коридор, заставленный коробками с каким-то грузом, прежде чем перед ними оказалась массивная дверь шлюза.

– Открывай! – приказал Жмых, бросая андроидов на пол.

– Сначала надо проверить, задраен ли шлюз с той стороны, – объяснил Лукас.

– Может статься, что он не задраен? – удивился Глеб.

– Нет, конечно. Но проверить надо. Так велит мне инструкция из гипнотической программы обучения.

Лемуриец потыкал длинными тонкими пальцами в сенсорную панель. Миниатюрный экранчик реагировал на его прикосновения появлением веселых зеленых огоньков.

– Все в порядке. Открываю.

Тяжелый люк шлюза поехал в сторону. Раздалось шипение – воздух устремился в шлюзовую камеру. Жмых с воплем отпрыгнул в сторону.

– Ты чего? – удивился Лукас.

– Оно. Шипит. Наверное, утечка?!

– Нет, просто разница в давлении. Если бы с другой стороны шлюз был открыт или образовалась пробоина, мы бы и пискнуть не успели.

– А, конечно, – пришел в себя Глеб. – Ну, тащим этих.

Андроидов бросили на пол, пошли за следующими.

– Слушай, сколько их всего? – поинтересовался Жмых. – Только двоих отнесли, а я устал, как собака.

– Отдохнешь. До твоего Дроэдема – четыре дня полета в подпространстве, – успокоил Глеба лемуриец. – Андроидов, кажется, было одиннадцать. Это не считая семи «красных»... Которые теперь наша собственность. Ты знаешь, мы их сможем выгодно загнать на новом месте.

Жмых, прищурившись, посмотрел на своего нового партнера.

– Ты не совсем лох, парень, – констатировал он.

– Я бы сказал, совсем не лох. – застенчиво улыбнулся Лукас.

Работа по «перегрузке» андроидов заняла у партнеров минут сорок. Некоторые синтетические люди вяло шевелили руками и ногами, пытаясь, должно быть, преодолеть состояние сомати. Андроиды прекрасно понимали, куда и зачем их несут, и в глазах некоторых читалась безграничная тоска.

Лукас, встретившись взглядом с человекороботом, поспешно отворачивался и едва не плакал. Но Жмых поторопливал его, покрикивая:

– Ничего, ничего! Всех их соберут! Померзнут пару дней в космосе, отдохнут. И на работу! Грузить очередной корабль!

Когда последнего, робота швырнули на кучу тел в шлюзовой камере, Лукас продекламировал:

Отринув жизнь простого чина,

*За правду, за свою страну,
Я умираю, как мужчина,
И в лок открытый я шагну.*

Жмых посмотрел на поэта, как на сумасшедшего:

– Ты бы еще прощальную речь произнес, – целый некролог сочинил. Может, не будешь глумиться?

– Я не глумился, – обиделся Лукас.

– Боек ты сочинять, как я погляжу. На тюремных астероидах тебе бы цены не было. Там поэтов любят, а еще больше – певцов. Которые за нашу блатную жизнь поют. И стихи читают, Задвигай, короче, лок, поэт! Пора отпустить мужчин в открытый лок, в свободное плавание!

– Это из старого, – поделился лемуриец. – Отрывок из поэмы, написанной во славу героев Сопротивления.

– Какого еще Сопротивления?

– Сопротивления против уничтожения древовидных папоротников Канопуса. Но подходит для любого случая. Мало ли в Галактике сопротивлений...

– Действительно, – хмыкнул Жмых. – Универсальность – ценное свойство! Открывай шлюз, певец Сопротивления!

В маленький иллюминатор было видно, как тела андронидов, кувыркаясь, полетели от корабля, вытолкнутые избыточным давлением шлюзовой камеры.

– Сразу дышать легче стало, – удовлетворенно заявил Жмых. – Подобное облегчение я испытывал, когда из моей

камеры отсадили Хаммера Вонючку. Тоже тогда ощутил, каким свежим и вкусным бывает воздух. Можно бы и «красных» повыбрасывать, вообще-то. Но, с другой стороны, если каждого продать хотя бы за пять тысяч. Ого-го! Это еще лучше, чем корабль барыжникам двинуть! Только вот на корабль документы нужны. А на андроидов – лишь коды доступа!

– Которые сейчас открыты, – поддержал партнера лемуриец. – И мы можем их перепрограммировать. Хотя торговля андроидами, признаться, напоминает мне работорговлю.

– И мне напоминает, – согласился Глеб, – эх, и погреем руки на продаже синтетических тормозов! Пойдем-ка пока поедим. У меня что-то аппетит разыгрался!

Питательные наборы А-7, которые Глеб и Лукас достали из контейнера на корабельном складе, на вкус оказались просто омерзительными.

– Вспоминаю тюрягу, – мрачно буркнул Жмых, давясь темной тягучей плиткой. По консистенции она напоминала ириску, а по вкусу – переваренный грибной суп. – Там нас тоже частенько кормили всякой дрянью. Как повар заболел или заключенные провинятся – кухню на замок, и раздают индивидуальные сухие пайки. И такие они сухие – все потом внутри слипается. Даже зубы склеиваются. И сколько воды ни пей – не помогает. Но коски ко всему привычные. Выжили.

– А мне такая еда даже нравится, – неожиданно заявил

лемуриец. – Напоминает приют на Лемурии, где я воспитывался. Там было хорошо, в приюте! Хотя большинство детей, которые воспитывались вместе со мной, не отличались богатым внутренним миром.

– Еще бы, в приюте, – хмыкнул Глеб, – небось, родители их кинули, а сами слиняли в поисках лучшей жизни.

– Эти дети были умственно отсталыми, – поделился поэт, – а меня поместили туда по ошибке, потому что я был очень погружен в себя.

Повисла пауза. Лемуриец задумался о прошлом, а Глеб активно работал челюстями, пережевывая упругую плитку.

– Вошпоминания детства – великая вещь, – кивнул он и опрокинул в себя стакан воды. – Жаль только, что мы хоть бутербродов с собой не взяли. На четыре дня должно было хватить! Хорошо еще, что Дроэдем этот – рядом!

– Не то чтобы рядом – двенадцать парсеков, – заметил лемуриец.

– По мне, все едино – двенадцать, двадцать. Главное, туда за несколько дней можно добраться! И не париться в этом вонючем звездолете.

Жмых наконец насытился и развалился в кресле, положив руки под голову.

– А наши синтетические друзья должны чем-то питаться? – поинтересовался он.

– В принципе – да, – ответил Лукас. – Но, насколько мне известно, они без вреда могут неделю попуститься.

– Без вреда для нас?

– Без вреда для них, конечно.

– Да ладно. Пускай тоже поедят.

– Расход кислорода повысится, – заметил лемуриец. –

Ведь им нужно перерабатывать полученную пищу.

– Тогда... – Жмых на несколько секунд задумался, но потом комплекс вины перед андроидами взял верх: – Пусть все равно поедят! А то еще сорвутся со своей программы. Я бы с голодухи точно сорвался. И вообще – у нас что, нет системы рециркуляции воздуха?

– Есть, – ответил Лукас. – Но выход кислорода ограничен. Если потреблять больше, чем вырабатывается, – нам придется туго.

– Сейчас кислорода хватает?

– Да. Генератор работает на девяносто процентов мощности.

– Вот и пусть едят. Лопайте, синтетические!

– Спа-си-бо, – ответил за всех предводитель команды «красных» андроидов, костюм которого был отмечен двумя белыми полосками на правом плече.

Андроиды дружно затопали на склад – жевать питательные пайки А-7 или А-8, а может быть, и Б-12. Кто знает, что больше по душе синтетическим людям? Пайков же на корабле было несколько ящиков.

– Откуда ты столько всего знаешь? – заинтересовался Жмых. – Я, правда, тоже не совсем тупой. Когда на астеро-

иде чалился, знаешь, сколько книжек прочитал. Правда, все больше детективы. Но и одну научную книжку изучил. Называется «В помощь проктологу». Очень познавательно, между прочим.

Лукас поморщился:

– Гражданскую специализацию я получил в колледже на Лемурии. Согласно диплому, я – оператор машинного бурения на астероидах среднего диаметра и по совместительству пилот второго класса. Правда, лететь довелось впервые. Это мой первый корабль... – Лемуриец любовно погладил стену рубки.

– Кстати, я не заметил, когда мы садились. Как называется это корыто?

– Какое корыто? – не понял лемуриец.

– Ну, звездолет. Твой первый корабль. У него название есть? Или только бортовой номер?

– Такая мысль не приходила мне в голову, – смутился лемуриец. – Сейчас узнаем.

Поколдовав над пультом управления, Лукас выдал:

– Оказывается, у него и правда есть имя. Наш корабль зовется «Одноногая черепаха».

– Хм. Это что, намек на его скорость? Одноногая звучит как-то нехорошо. Сколько вообще у черепах ног? Две?

– Пожалуй, так. Две ноги, две руки. Все как у людей. Это ведь земное животное? Я анатомией черепах не увлекался, хотя, конечно, видел кое-каких.

– Я, в общем-то, тоже не биолог, – заметил Жмых. – Но, сдается мне, одноногая черепаха будет передвигаться медленно.

– Мне доводилось читать, что земные морские черепахи в родной стихии развивают огромную скорость, – сообщил лемуриец. – Они, наверное, не лапами в воде гребут.

– А чем?

– Плавниками.

– Может быть, – протянул Глеб. – А если у черепахи все в порядке, она не только в воде, но и по земле передвигается нормально. У меня в детстве была черепаха. Маленькая. Бегала довольно шустро. Так шустро, что однажды я не углядел, и она смылась.

– Да, – кивнул Лукас, – у нас в приюте для дефективных у одного паренька тоже была черепаха. И, ты не поверишь, она от него все время убегала. Хорошо, что рядом был я и неизменно ловил тупое земноводное.

– Что ты хочешь этим сказать?! – нахмурился Жмых. – Сравнивая меня с убогим пареньком, баллы ты себе в моих глазах не прибавляешь...

– О, не обижайся, пожалуйста, я просто хотел сказать, что с этими черепахами вечные проблемы.

Глеб насупился. Ему уже не раз казалось, что лемуриец над ним подтрунивает и явно считает, что находится на более высокой ступени развития, чем молодой коск, который в жизни только-то и видел, что туземный город Мамбасу на

окраине межгалактической империи да еще Процион, Арктур и парочку тюремных астероидов. Галактические задворки, одним словом.

– В колледже мы, значит, учились, на пилотов и бурильщиков, – с ядовитой интонацией проговорил Жмых, – ну-ну. Интересно, как это ты так смог из приюта для даунов прямиком в колледж перебраться?

– К нам в приют пришел новый директор, – ответил лемуриец, – ему сразу показалось, что я отличаюсь от других воспитанников. Потом меня немного полечили особыми препаратами и электрическим током. И вот, вуаля, через месяц я уже сносно говорил на нескольких языках.

– Так ты до этого что, все время молчал?

– Ну да, говорю же, был очень погружен в себя. Большую часть дня я думал. Я размышлял о смысле жизни и своем предназначении. И еще сочинял стихи. Мысленно. Вот, к примеру, такое стихотворение...

– Так что насчет колледжа?! – гаркнул Глеб. – Как ты туда попал?!

– Ах, колледжа, – осекся Лукас, – дело повернулось таким образом: у нашего директора не было детей, и его жена сильно по этому поводу переживала, вот они подумали, подумали, взяли да и усыновили меня, – Лукас расплылся в улыбке, – до чего же они хорошие лемурийцы, просто не могу тебе передать. До чего же славные. Они всегда дарят друг другу подарки на Новый год и в День всех тупых. И почти

никогда не колотят друг дружку. А если колотят, то делают это осторожно и почти всегда без последствий. То есть руки и ноги всегда на месте остаются.

– Ты у нас, значит, везунчик? – поинтересовался Жмых, внутренне содрогнувшись от описания быта «славных лемурийцев». К тому же удачливость Лукаса его несколько покорибила. В глубине души он был уверен, что счастливый фарт сопутствует именно ему, и история Лукаса, который из приюта попал сразу в колледж, вызвала у него живейшее раздражение.

– Да, я удачлив, – согласился поэт, не замечая настроения собеседника. – А еще меня очень любят женщины.

– Значит, и женщины тоже, – Глеб усмехнулся – ну и хвастун. – Хорошо, при случае покажешь, как ты умеешь обращаться с женщинами.

– Непременно. – Лемуриец счастливо засмеялся, приняв усмешку коска за знак расположения. – О, если бы ты знал, Глеб, как большинство женщин любят поэзию! И как я люблю их за то, что они дарят мне свою благосклонность и могут оценить по достоинству мой уникальный дар.

Удар потряс корабль неожиданно. Только что Глеб сидел в кресле, и вдруг непреодолимая сила швырнула его вперед, и он оказался на полу. При этом пребольно ударился локтями о твердый настил.

Удачливый лемуриец каким-то чудом удержался в кресле. Он сидел, подавшись вперед, глядя на происходящее.

В основной обзорный иллюминатор было отчетливо видно, как разворачивается перед носом звездолета, растет из единой точки гигантская сеть, состоящая сплошь из сверкающих, зеленоватых нитей.

– Что, что это? – проговорил Глеб, поднимаясь на ноги. – Я такой фиготины никогда в жизни не видел.

– Конечно, откуда тебе, – в голосе лемурийца прозвучало отчаяние, – это силовой экран. Похоже, дело худо. Вперед дороги нет.

– Что можно сделать?! – заорал Жмых, мигом оценив ситуацию.

– Не знаю. – Лукас затряс головой и схватился за виски. – Честно, не знаю. В моей голове сведений на этот случай нет. Имею только представление, как экран выглядит. А вот как его ставят, как снимают – понятия не имею! И вообще, что ты от меня хочешь! Я пилотирую корабль первый раз!

– Легавые! – Выдохнул Глеб, вглядываясь в экран заднего обзора. – Как же они нас нашли?! Как догнали?!

– У них хорошая техника... техника, – эхом повторил лемуриец, стуча по сенсорам панели управления. Глеб наблюдал за действиями Лукаса, не говоря ни слова. Он не хотел мешать. Но, поскольку «Одноногая черепаха» висела перед зеленой сетью, а сзади быстро приближалась черная туша военного крейсера, терпение коска закончилось быстро.

– Ты что делаешь?!

– Пока силовой экран полностью не развернулся и не за-

хватил нас, можно попробовать пролететь через него. Прорвать. Если мощности защитных силовых полей хватит.

– А если не хватит?

– Если не хватит, нас попросту расплющит. Точнее, сначала сплющит, а потом мы лопнем, как перезревшая груша.

– Да ты одурел! – крикнул Глеб. – Я умирать не хочу! Что мне светит, если меня полиция Мамбасу возьмет? Небольшой срок. Он меня не пугает, хоть и неприятно, конечно, на астероидах париться. А ты что хочешь сделать? Угробить нас хочешь! Не дам!

Жмых схватил лемурийца за плечи и рванул на себя, забыв, что имеет дело с представителем одной из самых вспыльчивых галактических рас.

– Эй, тише, тише! – широко улыбнулся Лукас. – Мне вообще обвинение еще не предъявляли. Тот небольшой электронный взлом Мамба-банка, что я осуществил три дня назад, может быть, даже не обнаружили! А выйти на мой след будет не так уж легко! Можно и не лезть напролом! Я для тебя старался, вообще-то.

Жмых отпустил лемурийца, вытер пот со лба.

– Тебя даже не прижали? Так зачем же ты смываешься?

– Нехорошие предчувствия.

– Предчувствия – это что, – пробормотал Жмых. – Предчувствия – вздор. Стало быть, тебя нет в полицейских сводках?

– Нет.

– Значит, ты будешь заложником!

Глеб радостно улыбнулся, а Лукас вздрогнул.

– Не понял?

– Что тут понимать? Я скажу полицейским, что у меня на борту заложник. Пойманный на космодроме лемуриец. А ты изображай ужас и панику.

– Зачем?

– Чтобы они приняли тебя за заложника. Тоже мне, умного из себя изображаешь! Тактика старая, как цивилизованный мир, – выдавать сообщника за заложника. Но, поскольку тебя нет в сводках и как мой поделщик ты нигде не проходишь, может сработать!

– Я уже боюсь, – шмыгнув носом, признался лемуриец. Изображать страх у него выходило очень натурально.

– А я достану свой верный «глюк» – иначе кто поверит, что я справился с лемурийцем голыми руками, – и свяжусь с кораблем полицейских или военных. Кого там припрягли к погоне за нами?

– Связывайся, – предложил лемуриец, намереваясь подняться из кресла пилота.

– Нет уж, – остановил его Глеб. – Я не только захватил тебя, но и заставляю вести корабль. Так что и за связь будешь отвечать ты. Тем более я все равно в приборах не разбираюсь. А ты не забывай прикидываться испуганным.

Лукас быстро пробежал пальцами по клавишам, активировал блок связи – и уже через десять секунд над койкой в

противоположном конце рубки повисла словно бы отсеченная от тела голова полицейского с полковничьими погонами. Полицейский был белым мужчиной, коротко стриженным, седым, с прямым носом и выпяченным вперед волевым подбородком.

– Ого-го! – присвистнул Жмых. – Сам комендант Орлов? Быстро же вы собрались в погоню!

– Было бы счастье – гоняться за такими, как ты, – выдохнул начальник полиции, или, по местному определению, комендант Мамбасу. – Сообщение о твоих проделках застало меня на подлете к планете. Так что тебе просто не повезло, парень, что я взял на себя командование операцией. Теперь тебе точно коней. Кто это с тобой?

Лукас, не забывая об обязанности бояться, тихо пискнул, бросив два косых взгляда на полковника и на Глеба.

– Паренек, которого я поймал в космопорте, – нагло заявил Глеб. – Оказался мастером на все руки, к счастью. Сейчас ведет для меня корабль. И, смотри, комендант, – если что не так, я мигом продырявлю ему башку! Не побоюсь, что останусь без пилота! Тут еще куча андроидов – так что справлюсь!

Жмых приставил «глюк» к виску Лукаса и гадко осклабился. Лемуриец задрожал всем телом. Со стороны картина выглядела просто ужасно.

– Не бойся, парень, это не мокрушник, – задумчиво проговорил Орлов. – Он тебя не застрелит.

– Застрелит, застрелит, – пискнул Лукас. – А я с Лемурии.

– Да уж вижу...

– Меня там все любят. Надо же мне было появиться у вас в Мамбасу! Теперь мне не уйти с этого корабля живым!

– Ты понимаешь, негодяй, чем тебе светит захват корабля и заложника? – поинтересовался комендант, обращаясь к коску. – Пятьдесят лет на астероидах, не меньше! Это настоящее пиратство!

Жмых едва не крикнул, но усилием воли сдержался и проворчал:

– Сначала поймай меня, комендант, а потом предъявы кидай! Имей в виду – мы сейчас пойдем на таран этого вашего силового поля. И, если лопнем, как гнилые груши, гибель этого паренька будет на твоей совести! И гибель семи андроидов, каждый из которых стоит тридцать тысяч! Про корыто я уже молчу – оно, наверное, застраховано.

– Подожди две минуты. Мне надо подумать, – попросил полицейский.

– Нет! Сейчас же иду на таран! – нагло заявил Жмых.

– Подожди! Если мы не договоримся, я уберу силовое поле, и вы полетите дальше! Мне трупы не нужны!

– А еще он выбросил в космос одиннадцать андроидов, – наябедничал на Глеба лемуриец. – И меня обещал выбросить.

– Еще лет десять на астероиде, – задумчиво проговорил полковник. – Да, Жмых, попал ты в историю.

– Узнали, кто я, комендант? – заинтересовался Глеб. – И дело мое уже нашли? Вас-то все знают. Вы – светоч закона на Дроэдеме!

– Конечно. Дело твое нашли. Посиди две минуты. Мы или отпустим тебя, или... Одним словом, подожди, через две минуты мы сделаем тебе хорошее предложение.

– Жду, – кивнул Глеб. – Подозреваю только, что вы хотите меня кинуть. Обмануть, я имею в виду.

Полковник улыбнулся, но ничего не сказал. Миг – и проекция его головы исчезла из рубки. И ты выключай связь, кошачий! – обратился к лемурийцу Жмых. Лукас оскалил было зубы, но потом сообразил, что страшным для лемурийцев ругательством его обозвали для достоверности, и выключил передатчик.

– Боюсь, они хотят нас обмануть, – как ни в чем не бывало, заявил Глеб. – А ты что думаешь?

– Не знаю. Я хорошо играл испуганного парня с задворок Галактики?

– Да, замечательно. На артиста не учился? При всех твоих талантах.

– Нет, но посещал драмкружок.

– Заметно. Хоть что-то из твоих высоких дарований пошло нам на пользу. Ну, давай, бойся опять! Пора включить связь!

Лемуриец нажал на сенсоры. Голова полковника вновь повисла над койкой.

– Итак, Глеб Жмых, мы узнали о тебе еще кое-что новое, – с ходу заявил комендант. – Например, то что днем ты ограбил Мамба-банк, три раза выстрелил в охранников и каскирку из газового пистолета «глюк» Забрал двадцать тысяч рублей, подрался с полицейским на улице Зеленой Обезьяны. Потом навел панику в госпитале и выстрелил из газового пистолета в доктора Кротова. За захват госпиталя и причинена вреда здоровью доктора тебе светит еще лет двадцать. Счастье, что там никого не убили. Итого – восемьдесят лет, Жмых. Ты уверен, что выйдешь на свободу хоть когда-нибудь?

– Уж тебя я точно переживу, – сплюнул на по. Глеб.

– А я предлагаю – мы судим тебя только за ограбление банка. Получаешь свои семь лет, примерно тянешь их на астероиде – и выходишь на волю еще молодым. Начинаешь жить как человек. Только для этого тебе нужно отпустить парня на свободу. И сдать ся нам.

– Гарантии?

– Мое слово.

Жмых задумался. Семь лет – не восемьдесят. Но все равно очень долго. Да еще на гнусном астероиде где кормят питательными наборами А-7.

– А если я не выполню ваши условия? Полковник фыркнул.

– Я знал, что ты спросишь об этом. Значит, сдаваться ты не хочешь. Бывает, Жмых, бывает. Позволь мне кое-что ска-

зять твоему пленнику.

– Ну, говори, – не стал возражать коск.

– Как тебя зовут, парень? – участливо спроси. Орлов. Правда, имелись в его голосе явные похоронные нотки.

– Лукас, – без энтузиазма ответил лемуриец.

– Пистолет этого коска разряжен, – дьявольски улыбаясь, заявил полковник. – Ты можешь делать с ним все, что хочешь. И тебе за это ничего не будет. Глеб побледнел и крикнул:

– С чего ты взял, что мой пистолет разряжен, комендант?

– Я просто умею считать. И знаю, сколько раз можно выстрелить из четырехзарядного «глюка». Порви его, Лукас! Если ты настоящий лемуриец! Коск безоружен! И издевался над тобой!

– Да, – неожиданно всхлипнул лемуриец. – Заставлял меня идти по колено в дерьме! У меня и сейчас брюки грязные. Я...

– Давай же! – закричал полковник.

– Я боюсь, – опустив плечи, заявил Лукас. – Вдруг он купил другой пистолет? Мне дорога моя жизнь. Пожалуйста, выполните все его требования, полковник!

Орлов сплюнул и отключил связь. Зеленая сеть перед «Одноногой черепахой» начала тускнеть.

– По газам, кошкин сын! Вперед! – заорал Глеб. – И выключи эту чертову связь! Я не хочу, чтобы шпики знали о каждом моем слове! Быстро, а то башку насквозь прострелю!

Лемуриец отключил передатчик, активировал основной двигатель, и Глеба швырнуло в кресло. Минуту ему казалось, что на грудь ему уселся если не слон, то крупный кабан. Потом стало легче.

– Через десять минут уйдем в подпространство, – заявил Лукас. – Там нас уже никто не достанет. Кстати, почему ты называл меня такими нехорошими словами?

– Для достоверности. Только для достоверности! – заюлил Жмых. – Ты ведь не обиделся?

– Ну, как тебе сказать...

– А нечего обижаться! Ты еще скажи, что я заставлял тебя лезть в дерьмо! Ведь это ты меня заставил на самом деле. Знаешь, как противно?

– Действительно. И вонь до сих пор стоит на весь корабль, – кивнул смягчившийся Лукас.

– Оч-чень силь-но пах-нет эк-скре-мен-та-ми! – раздался голос сзади.

Глеб даже подпрыгнул в кресле.

– Красный, это ты?! Тьфу ты! Больше никогда так не подкрадывайся! Вы пожрали уже, что ли?

– Про-цесс пи-та-ни-я за-вер-шен, – отозвался командир красных андроидов. – При-шел до-ло-жить! А здесь пах-нет эк-скре-мен-та-ми!

Глеб пожал плечами.

– Ишь какой чувствительный. Что мы можем поделаться? Терпи уж. Люди терпят, и тебе, синтетический, потерпеть не

грех.

– На треть-ей па-лу-бе име-ет-ся душ, – сообщил андроид.

– Правда? – одновременно вскинулись человек и лемуриец. – Что ж ты раньше молчал!

– Зап-ро-с не пос-ту-пал.

– Кто первый? Полагаю, я, – спросил и сам себе ответил Жмых. – Тебе еще в подпространство входить. А я пойду искупаюсь.

– Поторопись, – заявил Лукас. – Мне тоже надо помыться. А то уже глубокая ночь.

– Эх, вечер прошел не так, как я планировал, – вздохнул Глеб. – Ну, ничего. Зато при деньгах, при звездолете. И товар на продажу есть. А сколько ты украл у Мамба-банка, Лукас?

– Два миллиона, – ответил лемуриец.

– Seriously, что ли? – спросил Глеб спустя пару минут, когда челюсть встала на место.

– По пустякам не размениваюсь, – сообщил поэт.

– А куда ты деньги дел?

В ответ Лукас дико захохотал:

– Так я тебе и сказал!

– Ну и не надо, – рассердился Глеб и подумал: «Сам узнаю, когда время придет. А парень не прост. Очень не прост. С ним надо держать ухо востро»

ГЛАВА 2

Дроэдем

Глеб проснулся от ощущения ломоты во всем теле.

Ему снилось, что он – на тюремном астероиде, заключен в каменный каземат. И тяжелые стены сходятся, грозя раздавить его. Он мечется внутри узкого прямоугольника, где почти не осталось воздуха. Стены оставляют ему все меньше жизненного пространства и наконец смыкаются окончательно, врезаются в слабую плоть, ломают кости, разрывают сухожилия. На него навалилась чудовищная боль, сопровождаемая удушьем.

Глеб застонал и открыл глаза. Попробовал встать, но не смог. Голова словно приросла к жесткой койке. И руки не желали повиноваться, будто их прикрутили ремнями к жесткому пластику.

Вдали замаячило радужное пятно, обратилось лицом андроида-навигатора.

– До-бро-е ут-ро, – проговорили бескровные губы.

– Пошел ты! – отозвался Глеб. – Видали подорожее. Что со мной, жаба тебя забери, делается?!

– Вы ис-пы-ты-ва-е-те пе-ре-груз-ки.

– Какие еще перегрузки, твою налево?! Ек-сель-мок-сель! – хрипло выдохнул Глеб. – Да я сейчас копыта откину!

– Очнулся? Хорошо. Нас тянет к планете, – отозвался Лукас от пульта, – этот Дроэдем работает как магнит. Ловит корабли, которые оказываются вблизи от его орбиты, и затягивает их в силовой коридор. По этому коридору мы будем следовать до самой посадочной площадки.

– Удачно все сложилось. – Глеб улыбнулся через силу и со стоном сел на койке.

– Что значит – «удачно сложилось»?! – спросил Лукас. – Магнитное поле генерируется выстроенной по сложной схеме сетью спутников. Направленный коридор до космодрома создать еще сложнее. Подобное оборудование стоит бешеных денег. Насколько мне известно, такие посадочные системы есть только на нескольких планетах. И все они имеют отношение к государственным службам. Честно говоря, я очень удивлен, что Дроэдем, находящийся на самой границе цивилизованного космоса, обладает столь совершенной посадочной системой. Не иначе как какой-нибудь меценат вложил в инфраструктуру этой захудалой планетки бешеные деньги.

– Да ладно тебе! – выдохнул Глеб, усиленно борясь с тошнотой. – Какая разница?! Меценат – шмеценат. Башлять за пользование этим магнитным полем нас не заставят?! Ну и ладно. Да если и заставят, то пусть отстегивают владельцы «Одноногой черепахи». А мы заберем андроидов – и финита ля трагедия. Толкнем наших синтетических друзей, выправим себе новые ксивы. И заживем, как родной дедушка за-

вещал. Ты будешь стишки пописывать, я – веселиться на вею катушку. Если, конечно, не сдохну прямо сейчас! – На Глеба накатила вдруг такая дурнота, что стены закачались.

– Пока все складывается неплохо, – скрипнув зубами, ответил Лукас. – Только, боюсь, ты не принимаешь во внимание, что посадочная площадка скорее всего находится на космодроме. А мне, – он вздохнул, – на космодром не очень хочется.

– Почему? – В голове у Глеба было мутно, мысли наплывали одна на другую, цеплялись хвостами, путались. – Чем тебя космодром не устраивает?

– Там может оказаться полиция. Совершенно случайно. Или по наводке из Мамбасу.

– Ну да! – сообразил Глеб. – Тогда надо как-то уходить из этого коридора, пока не поздно!

– Этим я и занимаюсь, – сообщил Лукас, – но не так-то просто это сделать.

– Поче... му. Ох. – Жмых схватился за горло. – Что же мне так хреново?! *И* блевать тянет, будто вчера мешал пьянящие колоски с пивом. Стабилизаторы гравитации... – прохрипел он. – Ты их отключил?!

– Нет.

– Почему же меня так колбасит?!

– Потому что они сломались, пока я пытался вырваться из поля.

– Ты не из поля пытаешься вырваться, ты угробить нас

задумал. Кончай дурака валять, Лукас. Выравнивай корабль. Пойдем по коридору.

Лемуриец энергично затряс головой, всем своим видом выражая несогласие.

– Другого выхода нет. В космопорт нам не надо, – угрюмо заявил он.

– Это, конечно, правильно, – согласился Глеб, – лучше опустить посудину где-нибудь, где нет толпы встречающих в парадных мундирах. Но что толку класть ее непонятно где, если еще немного – и у меня голова лопнет. Понял или нет? – Он уставился на Лукаса с самым свирепым видом. Лицо лемурийца невозмутимостью напоминало каменную маску. Глеб хотел было предпринять попытку заставить его пойти по коридору силой, но тут понял, что поэту тоже пришлось невесело. Неестественно растянутый рот, прикрытые воспаленные глаза. Вся его поза выдавала напряжение и усталость. Он не сидел, а полулежал в кресле пилота и едва шевелил пальцами по сенсорам пульта.

– Да ты же вот-вот отрубись, – проговорил Жмых. – Елки зеленые! – Эту присказку он перенял у коска – уроженца Земли, который вместе с ним отбывал срок на тюремном астероиде. Тот упоминал «елки зеленые» частенько, по поводу и без. И хотя Глеб знать не знал, что может означать это странное выражение и как именно выглядят «елки зеленые», время от времени он его вворачивал. – Эй, ты, как там тебя, навигатор, помоги-ка мне перелезть в кресло!

Андроид подошел, протянул ладонь, за которую Глеб ухватился. С помощью навигатора ему удалось перебраться в кресло. Сразу стало легче дышать. Хотя тяжесть никуда не делась.

– Ладно, – проворчал Жмых, – попробуем прорваться.

– Перегрузка продолжает расти, – покосился на него Лукас. – Если так дальше пойдет, нас просто расплющит.

– Угробишь нас, я сильно расстроюсь, – нахмурился Глеб. – Ты уж постарайся, дружище. Мне умирать никак нельзя. Я еще молодой. У меня еще планов знаешь сколько.

– Будто у меня планов нет?! – проворчал лемуриец, впервые проявив раздражительность. – Я еще не написал самые великие свои стихи!

– Спокойнее, – сказал Глеб, стараясь разрядить назревающий конфликт, – не заводись. Я тоже горячий, знаешь ли. Ты прав, пожалуй. В космопорте нас накроют почти наверняка. Тамошние хорьки небось уже сигнал получили от своих корешей из Мамбасу. Ждут нас, легавые. Точно ты просек. Ты вот скажи-ка лучше, ты что, совсем не спал?!

– Совсем. Не время для сна. При необходимости я могу обходиться без сна трое и даже четверо суток, но сейчас... очень устал.

– Ну, ты даешь! – протянул Глеб. – Молодец. Стальной характер. Уважаю. Я так не могу. Мне покомарить обязательно надо. Хотя бы часиков семь-восемь. А то просыпаюсь злой как черт. И могу кому-нибудь в морду дать, иногда даже со-

всем без повода. Как вот ты иногда.

– Я?! – удивился лемуриец. – Что ты хочешь этим сказать?

– Да ничего-ничего, – успокоил его Глеб. – Гляди-ка лучше, шарик все больше и больше. Не иначе как пересиливает нас этот магнит.

– Придется применить ускоритель! – объявил Лукас.

– Какой еще ускоритель?! – занервничал Глеб, напуганный решительным выражением лица поэта, и успел подумать, что напрасно согласился сопровождать безумного лемурийца в этом путешествии.

– Пространственный, – сообщил Лукас и под полный отчаяния вопль Глеба коснулся одного из сенсоров на пульте и рванул на себя рычаг.

– Ох ты, эксель-моксель! – вскрикнул Жмых. Перегрузка сделалась нестерпимой, тяжесть навалилась так, что в глазах поплыли радужные круги, а нос наполнился кровью.

Лукаса ускорение и вовсе скосило на корню – он откинулся на спинку кресла и уронил голову на грудь, потеряв сознание.

«Вот ведь дятел отчаянный! – про себя выругался Глеб и ощутил, что сам „поплыл“ и вот-вот тоже отключится, если не предпримет что-нибудь, чтобы хоть немного ослабить перегрузки. Он потянулся к рычагу, ухватился за гладкий металл и, совершив почти невозможное, протащил его назад. Тяжесть отступила, оставив биение пульса в висках и привкус крови в носоглотке. Глеб выдавил, едва шевеля губами:

– Навигатор, твою налево, идем по долбаному коридору к проклятой планете! Хрен с ним!

Андроид кивнул, без видимых усилий подошел к пульту и пробежался по сенсорам и кнопкам. Гул тут же сошел на нет, в рубке повисла тишина. Только лемуриец, бессильно лежащий в кресле, едва слышно дышал.

– Фу-у-уф, – выдохнул Глеб. – Так-то лучше будет!

Кровь по венам побежала заметно быстрее. И сердце застучало увереннее. Хотя перегрузки, конечно, никуда не делись. Но по сравнению с теми, которые он испытывал раньше, стало заметно легче. Дышалось, во всяком случае, хорошо.

Примерно так он ощущал себя, когда ступил на борт челнока, доставлявшего каторжников из пояса астероидов на ближайшую луну – перевалочную базу, откуда коски разлетались по всей Галактике. Глеб навсегда запомнил первый глоток свежего воздуха, поступающий из-за решетки вентиляционной системы. Каким сладким казался этот воздух, как освежал и даже пьянил. В сравнении с совершенным, произведенным системами корабля кислородом разреженный, отдающий затхлостью воздух на астероиде представлялся зловонной взвесью, призванной отравить организм каторжников через легкие.

«Ну, псих! Едва нас не угробил! – дыша полной грудью, Жмых погрозил лемурийцу кулаком. – Поваляйся теперь в отключке! Отдохни немного. Надо бы. как очухаешься,

устроить тебе хорошую взбучку, чтобы сначала думал, а потом уже лапами долбал по пультам».

Глеб встал, приложил к носу платок. Прошелся по рубке, разминая затекшие ноги. Возле основного иллюминатора задержался ненадолго, вглядываясь в огромный сине-черный шар планеты Дроэдем. Поверхность голубого цвета образовывала тонкий серп. «Одноногая черепаха» подходила к планете с ночной Стороны. Звезда, вокруг которой обращался Дроэдем, светила в правый иллюминатор.

Внимание Жмыха привлекла едва различимая на горизонте светлая точка. Неизвестный объект маячил впереди, следуя тем же курсом, что и они.

– Эй, навигатор, – Глеб ткнул пальцем в иллюминатор, – можно узнать, что это за хреновина там летит?

– Есть, – синтетический человек воспринял вопрос как команду, как ему и полагалось, упал в кресло, придвинулся к пультам. Синтетические пальцы побежали по сенсорам, и через минуту на верхнем панорамном мониторе появилось изображение межзвездного катера. В левом верхнем углу экрана мелькали буквы и цифры – характеристики технического средства, порядковые номера деталей. Катер вращался, демонстрируя почти совершенную обтекаемую форму. По его периметру шла яркая синяя линия. Крыша горбилась огненно-красными квазимаяками. На боках катера щерились длинноствольными дулами мощные луче меты.

Межпланетная полиция! Глеб нахмурился. К следуют ле-

гавые тем же курсом, что и они. На сладкую планетку – Дроэдем. По магнитному коридору. А значит – приземлятся вместе с ними. В одном космопорту. Невеселая перспектива, что и говорить. Прилететь на планету, где надеялся если не хо-рошенько пожить, то хотя бы отсидеться, а вместо покоя и легкой наживы оказаться сразу же в лапах полиции. Надо что-то предпринять!

Жмых схватил лемурийца за плечо и как следует встряхнул. Тот приоткрыл глаза и проговорил слабым голосом:

– Я умер?!

– Живой. К сожалению. Направь-ка сюда гляделки. – Глеб указал на монитор. – Перед нами, всего в нескольких километрах, фигачит на Дроэдем полицейский катер. Понял расклад, да?

Лукас помрачнел:

– Ты думаешь, его послали за нами?

– Я ничего не думаю! – отрезал Глеб. – И никогда! Меньше думаешь – ярче харизма! Нет, я просто констатирую факт. А выводы делай сам.

– Что ж, похоже, мы попались, – вздохнул Лукас. – Я, со своей стороны, сделал все, что мог. Но, увы, спасти нас оказалось выше моих сил.

– Хочешь сказать, ты много работал, пока я дрых?! – рассердился Глеб. – Я тебе уже объяснял, сон мне жизненно необходим. Разве ты был бы рад, если бы я пребывал в дурном настроении и подыскивал повод, чтобы врезать тебе по

твоей наглой физиономии?

– С другой стороны, – задумался лемуриец, пропустив выпад Жмыха мимо ушей, – если катер летит впереди, а не позади нас, значит, он нас не преследует. Это позволяет мне надеяться, что не все потеряно.

– Хм, действительно впереди, – оживился Глеб. – Хотя знаешь что?! Полицейские бывают очень и очень хитры. Или непроходимо тупы, что тоже обычно им на руку.

– Такая уж у полицейских планида, – кивнул Лукас – Им все всегда на руку.

– Хламида?!

– Планида, судьба. Неужели никогда не слышал этого слова?

– Впервые слышу, – пробормотал Глеб. – Чем словами неизвестными бросаться, лучше бы за кораблем следил, умник.

– Ты абсолютно прав. Мне кажется, мы уже подлетаем. Предлагаю сесть в кресла.

– Напекаешь, что трясоти будет? – Глеб поспешно занял место возле стены. Рядом с ним сидел, прикрыв; глаза, навигатор. Чуть дальше – остальные андроиды. Некоторые, когда Жмых оказался рядом, зашевелились, уставились на него круглыми блестящими глазами.

– Хорош глазеть! – буркнул Глеб. Андроиды послушно отвернулись.

Планета закрывала все больший угол обзора, разрасталась

и темнела.

– Скоро войдем в плотные слои атмосферы, – Лукас занял место пилота, – пора брать управление в свои руки.

– На кой?! Все равно тянет, куда нужно. Лучше расслабься. Отдохни. А то кажется мне все время, что ты мозг очень сильно перенапряг. Это прямо-таки читается без труда во всех твоих действиях. Чует мое сердце, если так дальше пойдет, скоро он у тебя совсем откажет.

– На автоматику полагаться не стоит. Я хочу видеть, куда садится корабль, – пояснил Лукас. – А за состояние моего мозга, право, беспокоиться не стоит. Он в порядке. И все равно – спасибо.

– За что?! – опешил Глеб.

– Обо мне никто пока так не беспокоился! – лемуриец расстроганно покачал головой. – Кроме моих приемных родителей, конечно. Может быть, мы станем друзьями?

«Еще чего!» – хотел буркнуть Жмых, но что-то заставило его промолчать. Глеб вдруг устыдился собственной грубости, слов, которые едва не сорвались с языка. Подобные эмоции были для него внове и всерьез его встревожили. «Так можно размазней стать», – подумал Жмых и, чтобы избавиться от тревожного чувства, вспомнил, как недавно мутузил толстого доктора Кротова. Сразу полегчало. Захотелось жить.

Полицейский катер вдруг провалился вниз. Пилот имел возможность маневра – гравикомпенсаторы у полицейской

межпланетной техники работали как надо.

«Одноногая черепаха» между тем тормозила все сильнее. Перегрузки снова возросли. Редкие сполохи огня обратились бушующим снаружи огненным хищником, который вознамерился сожрать невесть как оказавшееся в небе земноводное. Затем пламя утихло, пожар сменился бледно-голубым сиянием. Корабль стремительно снижался. Вскоре в иллюминаторе, расположенном в брюхе корабля, стал виден город, лежащий на берегу обширного океана. Квадратные кварталы правильной формы тянулись по ровному побережью узкой лентой, километров в десять шириной. За городом, между океаном и горами, зеленели поля. В океане попадались редкие островки, на некоторых тоже можно было заметить следы деятельности человека.

Никаких уродливых небоскребов, которыми порос центр Мамбасу, – городок на Дроэдеме, куда влекло корабль, включал в свою архитектуру только аккуратные одно– и двухэтажные дома в окружении садов. Даже здания в самом центре города – низкие, приземистые постройки.

Корабль прошел над океаном, словно экскурсионный челнок, и его потянуло на юг. Космопорт располагался в красочном пригороде. Обширная территория сплошь была застроена множеством одинаковых ангаров. Только широкое здание на северной оконечности отличалось по форме от остальных.

Створки раздвигающейся крыши одного из ангаров сейчас были гостеприимно распахнуты. Туда и приземлилась

«Одноногая черепаха». Зависла на миг и ухнула вниз, словно бильярдный шар, угодивший в лузу. Крыша над кораблем сомкнулась. Вспыхнул свет. По периметру ангара зажглись яркие лампы, с тихим гудением зашевелились камеры наблюдения. В том же ангаре, чуть поодаль, стоял полицейский катер.

– Попались! – Лукас глядел в монитор с безысходностью. – И так глупо все получилось. Глеб, я тут поразмыслил немного и решил, что с нашей стороны было бы правильным и дальше придерживаться версии «похититель – заложник».

– Вот уж дудки, – буркнул Жмых. – Вместе сядем! А ты как думал, подельничек?! Как корабль угонять, так вместе, а как легавым сдаваться, так я один. Не пойдет!

– Статья же совсем другая получится, – сообщил лемуриец, – так тебе светит угон и похищение человека. А вместе со мной – групповой разбой. Так что вывод о том, как правильно себя вести, очевиден.

– Ишь ты, – нахмурился Глеб, – ты и в законах дока, как я погляжу. И не скажешь сейчас, что в приюте для умственно отсталых вырос.

– Я, кажется, уже говорил, что мое пребывание в приюте было ошибкой, – расстроился Лукас.

– Ошибкой не ошибкой... Слышал, что тот легавый сказал? Мне уже не угон и похищение светят, а кое-что покруче. Так что забудем пока о том, чтобы сдаваться. Ты лучше скажи мне, чего ты паникуешь раньше времени?! Нас ведь

пока не взяли. Так?! Вот и подождем. Пусть сначала легавые вылезут. А мы посмотрим на них. Может, там всего один легавый. Хотя, конечно, надежды на это мало.

– Ладно, – согласился Лукас. – Но насчет того, чтобы держиваться нашей версии, я бы на твоём месте все же подумал. Мало ли что и кто сказал.

– Подумаю я, подумаю. Только потом. Не сразу. – Глеб смотрел на монитор, пребывая в напряжении. Сдаваться на милость легавым не хотелось. Ещё меньше хотелось погибать в перестрелке.

Долго ждать не пришлось. Люк полицейского катера распахнулся, и на каменные плиты космопорта прыгнул коренастый рангун, похожий на лохматую цирковую обезьяну, разряженную для смеха в человеческие тряпки. Из одежды на нём был кожаный пиджак и синие джинсы, закатанные по колено. На мохнатых ногах – остроносые туфли. В одной руке он держал маленький чемоданчик, в другой длинноствольный лучевой пистолет.

Рангун направился напрямиком к «Одноногой черепахе». Шел вразвалочку, помахивая стволом. Сплюнул. Тягучая слюна растянулась, повисла до груди, и только потом упала на плиты.

– Не похож он на легавого, – процедил Глеб. – Сдается мне, это из наших. Конкурент, елки зеленые.

– Из ваших?!

– Коск он, – ответил Жмых, – по всему видать. Небось,

не один срок на астероидах отмотал. Гляди, один походняк его чего стоит. Булка он тертая, как ты говоришь, но и мы калачи что надо.

– Это точно, – кивнул Лукас.

– Выходить пока не будем, – решил Глеб. – Неизвестно, что у этого кренделя на уме. А ну как шмалять начнет из своей волыны. Тебе лишние дырки в теле нужны?

– Нет. Но...

– Вот и мне нет.

– Стрелять не в его интересах, – предположил Лукас, – он же только что прибыл. Зачем же он будет вести себя подобным образом перед видеокамерами? Власти Дроэдема сразу поймут, что он преступник.

– А кто знает, что у него в голове? Какие там черные тараканы поселились? Стволom, видишь, размахивает. Не смущается видеокамер. И катер, по ходу, свинтил у легавых.

– Наверное, он решил, что мы его преследовали, – догадался лемуриец, – и теперь хочет нас убить. Так это же очень просто решается. Надо дать ему знать, что мы не из полиции. И летели вовсе не за ним. Сейчас я пойду.

– Ага, сейчас ты пойдешь, и он тебе башку прострелит. А потом влезет в «Черепашу» через люк, который ты для него любезно откроешь, и пристрелит меня. Потом продаст наших андроидов. О, – Глеб поднял вверх указательный палец. – А может, андроидов на него натравить? А что, неплохая идея. Выбегут ребята всей кучей и завалят его. И писто-

летик ему не поможет. Лучик – одному, лучик – другому, а остальные ему рученьки-то заламают.

– Андроиды не могут причинить вред человеку, – напомнил лемуриец.

– Он же не человек. Так. Обезьян лохматый.

– В траковке робототехники и рангун, и лемуриец тоже люди. Разумные существа.

– Да, ты прав, вот незадача. А славно было бы посмотреть, как наши красненькие его волохать будут и по плитам размазывать!

Рангун остановился рядом с «Одноногой черепахой». Положил ствол на изгиб локтя и направил его на люк.

– Он думает, мы его не видим?! – поразился Лукас.

– А хрен его знает, что он там себе думает. Может, решил, что мы должны с ходу двинуть на выход. И надеется всех, кто появится, перестрелять из своей волюны. Мокрушник он, вот что! А я мокрушникам не сильно симпатизирую.

– Я тоже.

Глеб покосился на лемурийца и хмыкнул. Вспомнил историю о столь неожиданно умершем друге Лукаса. Бедняга уже никогда не смоется из Мамбасу.

– Что делать будем? – поинтересовался Жмых. – Глупая какая-то ситуация выходит. Чем бы его по кумполу приложить?

– Лучше всего ничего не предпринимать, – ответил лемуриец, – возможно, ему надоест ожидать, пока кто-нибудь вы-

лезет из корабля, и он отправится по своим делам.

– Эй, вы! – заорал хриплым голосом рангун. – Выходите немедленно! Полиция! Кто такие?! Предъявить документы! Вы у меня на мушке! – Динамики системы слежения усилили крики, они прозвучали в рубке управления подобно громовым раскатам.

Лукас поежился.

– Говорит, из полиции. Может, правда?

– Гонит, – коротко ответил Глеб.

– Куда?

– Не куда, а как. Борзо гонит, паскудник лохматый.

– Сдавайтесь немедленно! – проорал рангун. – А?! Чего молчите?! Или вы сами из полиции? Тогда показывайте ваши документы. Можете приложить их к какому-нибудь иллюминатору. Так вы наши, из полиции? Или нет?! Я теряю терпение!

– Выяснить пытается, кто мы такие, – Глеб усмехнулся. – На понт нас хочет взять, обезьян! И ксивы себе справить, если получится. К иллюминатору приложите... А потом в шлюзовой отсек суньте, я печати плохо вижу... Нервничает он, вот что. А нервы в таком деле показывать не нужно. Точно, не нужно!

– Почему он обращается к нам по-русски?

– Название на борту прочел, – предположил Глеб. – Оно ведь по-русски написано. Или запрос из своего полицейского катера послал, кому принадлежит «Одноногая черепаха».

Базы данных на полицейских катерах хорошие. Да только ему это не поможет. Сделаем мы лохматого, чует мое сердце.

Жмых лениво потянулся к сенсору включения внешних динамиков, как следует прокашлялся в микрофон и гаркнул:

– На землю, лицом вниз. Чемодан в сторону! Оружие в зубы!

– Что?! – проревел рангун.

– Что слышал, лохматый. Ты под прицелом излучателей. Дернешься, будем все тут дышать паленой шерстью.

– Да я! Да я! – задохнулся рангун от возмущения. – Да меня прикрывают наши ребята из катера! Вы сами под прицелом корабельных лучеметов! И вообще, откуда на вашем корыте лучевые пушки?

Глеб рассмеялся, нисколько не смущаясь, что рангун его услышит.

– Твоих подельников в катере нет. Не гони фуфлю, лохматый. В смысле, – спохватился он, – не надо лгать властям. И лучеметы заблокированы. Иначе ты бы нас расстрелял сразу после посадки. Так что оружие в зубы, и на землю!

Рангун выглядел озадаченным. Он помялся немного и заговорил. На сей раз голос его звучал не так уверенно:

– Я – полицейский!... Слышите?! И вы обязаны выполнять мои приказы!

– Оружие в зубы! Чемодан в сторону! – повторил Жмых. – Я начинаю терять терпение! В последний раз предлагаю сдаться.

Лукас попытался привлечь внимание Глеба знаками, тыкая пальцами в рот и мотая головой.

– Ладно, пистолет тоже на землю брось, – сказал Жмых. – Лейтенант опасается, что ты, зверюга лохматая, языком спусковой крючок нажмешь. Так вот, сразу предупреждаю – шутки в сторону. У нас активная защита Т-класса. Пойдем, лейтенант, посмотрим, что украл этот коск помимо катера. А ты – на землю, мордой вниз. Третий раз повторять не стану.

Рангун отбросил чемодан, положил на бетон пистолет и лег рядом.

– Отползи от пушки метра на три, – приказал Глеб. – У тебя руки длинные, да и сам ты, по всему видно, парень шустрый! Даже слишком.

– Открывай люк! – обратился он к лемурийцу. – И иди за мной.

Лукас нажал на кнопку.

Взяв в руки разряженный «глюк», Жмых быстро миновал коридор и прыгнул из люка на жесткий бетон ангара. Лемуриец последовал за ним.

– А ничего тут воздух, хоть и космодром, – Жмых улыбнулся. – Итак, лейтенант Лукас, что мы видим?

Лохматую обезьяну, которая угнала полицейский катер. Да еще притворялась копом. Рангун рыкнул что-то.

– Что, коск, хочешь мне возразить? Только попробуй голову поднять – я тебе ее живо прострелю. Дай мне повод! – проорал Жмых. – Я давно его жду!

Рангун вжался в пол ангара, постарался срастись с ним. Длинные пальцы скребли бетон.

Жмых подобрал лучевой пистолет, направил его на одну из камер наблюдения, нажал на спусковой крючок. Выстрела не последовало.

– Гляди-ка, пушка не заряжена, – сообщил он лемурийцу. – Что и требовалось доказать. Так, а что у нас в чемодане? Барахлишко?

– Я посмотрю, – предложил Лукас.

– Не надо, я сам.

Глеб подошел к чемодану, вытряхнул на бетон содержимое. Две пары штанов, рубашка с короткими рукавами, еще какие-то тряпки.

– Где деньги, коск? – поинтересовался Жмых.

– Ты сам – коск, а не полицейский. Думаешь, я тебя не раскусил?! – прорычал рангун.

– Да ну? – усмехнулся Жмых.

– Вот тебе и ну. Я встану?

– Лежать! – приказал Глеб, целясь в голову противника из разряженного «глюка». – Быстро голову продырявлю! У меня пистолет в норме в отличие от твоего.

– И все-таки я встану! – объявил рангун и стал приподниматься на руках.

– Я тебе встану! – выкрикнул Глеб. – А ну, лежать!

К счастью, тот послушался и упал на пол.

– Чего борзеешь, гнида?! – выдавил рангун, сверля Жмы-

ха свирепым взглядом.

Ситуация нравилась Глебу все меньше. Против Умеющего драться рангуна даже лемуриец в период мозговой горячки слабоват. А этот – калач тертый, сразу видно.

Никаких ценностей у лохматого не оказалось. Гол, как сокол. И куда теперь девать пленника?

– Командуй андроидам, чтобы выходили, – обратился Глеб к Лукасу.

– Хорошо, – сказал лемуриец. – Только давай сначала решим, что с этим?

Рангун покосился на поэта недобро. Жмых кивнул, он решил уладить конфликт путем переговоров.

– Теперь, как коск коску, колись: ты зачем на нас наехал?

– Думал, вы – мирный транспортник, – пояснил рангун. – Надеялся пассажиров слегка пощипать. Я ж полностью на нуле. А так хотя бы какая-нибудь наличность завелась на первое время. Не получилось подъемные заработать.

– Как ты угнал катер?

– Слышь, ты, следовательно... Кончай допрос! Тебе не все равно?! Ты ж не из полиции.

– Хочу опыт перенять.

Рангун хмыкнул, приподнял голову.

– Да ничего примечательного. Когда легавые на астероиде шарились, где я от них ховался, оставили красивую машинку без присмотра. Напрасно они это сделали. И главное, пилот такой расслабленный был. Салабон совсем, судя по все-

му. – Рангун облизнул губы. – Выкинул я его, как отлетели подальше.

– Значит, замочил легавого? – проговорил Глеб.

– Да андроидом он был, – объяснил рангун. – Так что ничего страшного. Статья, во всяком случае, несерьезная. Правда, мне уже все равно было. Хошь андроид, хошь человек – все одно вышак светил. Аннигиляция, как пить дать.

– Погоняло у тебя какое? – продолжил допрос Жмых.

– Клешня.

– Значит так, Клешня. Предложение у меня к тебе следующее. Лежишь, не двигаясь, мордой вниз еще как минимум полчаса. А мы тем временем уходим. И забываем друг о друге навсегда. Мы не видели тебя, ты не видел нас.

– Вот тебе дулю под нос! – вдруг заорал рангун и рванул ворот рубашки. – Если меня возьмут, сдам вас без вопросов! Понял меня?! Сдам. И скажу, что все на вас обоих. И на тебе особенно. Катер полицейский, скажу, тоже вы угнали.

– Ах, вот оно как?! – скривился Глеб. – Ты мне разумным показался поначалу. Ты свою морду видел?! Заставили... Да тебя любой прокурор за одну только морду лет на десять на астероид определит. Наверное, придется тебя в самом деле грохнуть. К тому же мы на астероиде ни от кого не ховались... Мы совсем по другому делу проходим.

– Ты не мокрушник, – буркнул рангун. – У меня на мокрое глаз наметан. А ты из этих. Чистыми ручками любишь жар загребать. Фартовый ты, как я погляжу. И одиночка, вернее

всего.

– Разбираешься в масти, – кивнул Глеб. – Я тебя, может, и не пришью. Это ты правильно сказал. Но вот кореш мой верный, у которого погоняло Поэт, тебя без всяких угрызений совести уговорит. Правда, кореш?

– Верно, – согласился Лукас. И произнес он это таким безразличным тоном, что у Глеба самого озноб по спине пробежал. Словно лемуриец и вправду собирался в ближайшее время накинуть удавку на шею жертвы.

«Какой актерский талант пропадает», – подумал Жмых.

– Ладно, – выдавил рангун, скосив на лемурийца налитые кровью маленькие глазки. – Уговорили.

– Теперь выводите андроидов, – Глеб обернулся к Лукасу, – я пока этого на мушке подержу, чтобы не учудил чего-нибудь нехорошего.

Лемуриец забежал в корабль, и вскоре из «Одноногой черепахи» появилась вереница андроидов. Поэт подгонял их, сурово поглядывая на рангуна.

– Словом, ты лежишь здесь, – продолжил Глеб. – Увижу тебя у нас на хвосте – шмальну без предупреждения. Мы уходим, ты предоставлен сам себе. Можешь даже порыться в нашем корабле, – предложил он. – Там можно найти что-нибудь ценное. Сухие пайки, например.

Рангун скривился:

– Какие сухие пайки? Ты что, издеваешься или не знаешь, куда приехал?!

– Я-то? Знаю. На Дроэдем.

– Вот и скажи, раз знаешь, кому здесь нужны твои сухие пайки да питательные рационы? Это ж рай на земле! Не слышал разве?! Здесь жратва не такая, как у нас. Синтетику да генетически модифицированный белок никто не ест. Тут настоящие овощи и настоящее мясо. Понял?

– С чего ты это взял? – насторожился Глеб.

– Один кореш верный рассказывал. Дай мне хоть сто рублей – и я тебе еще не то расскажу. Он мне много всего поведал. Такого, что закачаешься.

– Сто рублей многовато. У меня встречное предложение. Ты нам все расскажешь, что знаешь, а мы тебе расскажем то, что знаем мы.

– И много вы знаете? – задумался Клешня. – А то, может, ваша информация ничего не стоит.

– Стоит, – заверил его Глеб. – Будешь доволен. К тому же, – он помахал «глюком», – у меня пистолет.

– Ладно, – решил рангун. – Значит, так, если сильно прижмет, можно обращаться в гостиницу «Левый берег». По слухам, она стоит на левом берегу местной речушки. Не знаю, как уж эта речушка называется. Короче, держит гостиницу проверенный человек. Бывший коск. Осел тут лет пять назад, когда все только-только устраивалось. Он поможет с работой и с подъемными. Процент небось за эти услуги возьмет неслабый. Но с чего-то надо начинать. Там же можно и краденое сбыть. Принимает всех – и людей, и рангунов, и

лемурийцев, и таргарийцев. Даже бородавочников.

– Бородавочников? – скривился Глеб.

– Ну, так говорят. Не думаю, что в каждом номере у него по бородавочнику.

– Ладно, поверю, что там так сладко. А чего ты тогда клянчишь у нас сотню, а не идешь в этот «Левый берег» за подъемными? – не выдержал Глеб. – Жлоб ты, как я погляжу.

– Говорю же, процент у него, наверное, неслабый. И потом, всегда приятно получить что-нибудь на халявку.

– Только не от меня. Лежи и жди, пока полчаса пройдет. А впрочем, – задумался Глеб, – можешь, наверное, тоже двигать отсюда сразу следом за нами, пока полиция не накрыла. Только иди в другую сторону. Подальше от «Левого берега», куда теперь направляемся мы.

– Дурак ты, – рангун расхохотался. – Ты на самом деле не знаешь?

– Чего я не знаю? – нахмурился Жмых.

– Здесь нет полиции.

– Свихнулся? Что ты несешь?!

– В этом райском уголке полиции нет! Только отряды самообороны. Дроэдем не входит в интергалактическую полицейскую организацию.

– Ну и ну! Что ты мне байки травистишь, Клешня?! Ты хочешь сказать, что, если мой друг Лукас сейчас тебя застрелит, – ему ничего за это не будет?

– Я почему знаю?! Но я бы на вашем месте не испытывал

фарт. Видел я отряды самообороны на Галатее-9. Там полный беспредел. Все решают местные.

Если посчитают, что ты, убив меня, нанес им ущерб – шлепнут тебя, как безродного пса, и вся недолга.

– А какой им от этого ущерб?

– А я почему знаю? – повторил Клешня.

– Ладно, тогда колись: можно ли стать здешним гражданином? – подал голос лемуриец. – Чтобы нас не перестреляли, как собак?!

– Вижу, ты ничего не знаешь о Дроэдеме, – улыбнулся Клешня. – Давай сто рублей. И этой информацией я тоже располагаю.

– Говори! – угрожающе проговорил Жмых, но тот словно воды в рот набрал. – Ладно, – решил Глеб, – дай ему столик. Вот ведь жлобьяра какой!

Лемуриец полез в карман и, вынув оттуда пятидесятирублевую купюру, уронил ее на плиты.

– Я слышал, что здесь легко стать гражданином, – сообщил рангун. – Причем без лишних проблем. Справить ксивы можно все в том же «Левом берегу». За небольшую плату.

– Все, – оборвал разговор Жмых. – Надоел ты мне, урод трепливый. Да ты же нам лапшу на уши вешаешь! И не только вешаешь. Нет. Ты ее накручиваешь. Впервые в жизни слышу подобную чушь. – Он поднял с пола купюру и сжал в кулаке. – Это я забираю, не заслужил. Так, вы, уроды син-

тетические, ползите за мной! Попробуем вас продать в этом самом «Левом берегу», про который он тут нам наплел. А ты, лохматый, мордой в пол!

– Ладно-ладно, – откликнулся рангун, положил руки на затылок и уткнулся лицом в бетон. – Только зря вы это. Я правду говорю.

Лемуриец двинулся к выходу из ангара. За ним направились семь медлительных андроидов. Замыкал шествие Жмых с пистолетом наизготовку, – пятился, не выпуская рангуна из поля зрения. Больше всего они напоминали небольшой караван. Двое хозяев и семь неполноценных невольников.

Ворота, расположенные в стене ангара, не причлось ни таранить, ни взламывать. Они открылись по первому требованию. Распахнулись с сухим щелчком. Заиграла торжественная музыка.

Привлеченный странным звуком, Глеб отвернулся всего на секунду и оставил рангуна без внимания. Этого вполне хватило, чтобы верзила вскочил на ноги, преодолел пару десятков метров и настиг «караван».

– Ха! – Рангун скакнул вперед и ударил Глеба ребром ладони по шее.

Тот успел уклониться в самый последний момент. И пнул лохматую обезьяну ниже колена. Затем попытался ударить рукояткой «глюка». Но рангун перехватил его руку и вывернул кисть, так что Глеб проскакал несколько шагов, вскри-

кивая от боли, и упал на бок. Зато рука осталась целой.

Лукас метнулся вперед. Направив на него пистолет, рангун нажал на курок. Щелчок. Разъяренный, он отбросил оружие и ринулся навстречу лемурийцу. Жмых прыгнул, обхватил ноги врага, и тот повалился, неуклюже взмахнув руками. Лемуриец вскинул колено, и рангун врезался в него подбодком.

Пребывавшего без сознания коска Глеб оттащил в сторону. Осмотрел карманы. Нашел пачку мелких денег. Удостоверение сотрудника полиции. Выданное, правда, отнюдь не рангуну, а какому-то белобрысому блондину с унылым выражением на гладко выбритой физиономии.

– Здоровый, гад! – процедил Глеб, потирая запястье. – Если б ты вовремя копыто не подставил, он бы нам точно шеи посворачивал.

– Я... я случайно, – откликнулся Лукас. Поверженного врага он рассматривал с легким испугом.

– Хочешь сказать, ты не хотел дать ему в морду – поразился Глеб. – Случайно получилось?! Да ладно фуфлю гнать! Не может быть такого, чтобы ты не нарочно рангуна положил!

– Как-то само получилось. Я испугался сильно, и вот...

– Значит, мозги сработали. Без тебя. Это же еще лучше. Со временем выйдет из тебя хороший боец. – Глеб хлопнул напарника по плечу и вспомнил, как тот запросто ухайдокал двух ассенизаторов. Но тогда другое дело было – тогда

он впал в боевой раж. А сейчас действовал в здравом уме и твердой памяти. Значит, врожденные рефлексy лемурийцев могли включаться в любой стрессовой ситуации.

– Как же я мог так поступить, – Лукас выглядел расстроенным, – ударил разумного индивидуума, представителя могущественной, мудрой расы.

– Это рангуны мудрые?! – повеселел Глеб. – Навидался я этих придурков на астероиде. У них мысль одна – кому бы нож под ребро сунуть. Так что не переживай за этого урода. Все они одним миром мазаны.

«Разумный индивидуум» вдруг зашевелился, затряс головой и стал подниматься. Преодолев расстояние до него в считанные секунды, Жмых изо всех сил засветил рангуну пяткой по затылку. А когда тот откинулся на твердое покрытие пола, врезал ему еще пару раз, для верности.

– Фу-у, – выдохнул, – ну я и испугался! Думал, опять поднимется. И начнется танец канкасу, как в лучших заведениях Мамбасу.

– Что нам с ним делать?

– Что?! Да ничего. Пусть тут валяется. Глядишь, найдут его местные отряды самообороны да и вздернут, чтобы неповадно было со стволом по космопорту бегать. А то, ишь, прилететь не успел, уже вольной трясет на глазах у мирных людей.

– Оставлять его – не очень гуманно.

– Что ты заладил, гуманно-негуманно. Не с собой же нам

его брать. Давай-ка убираться отсюда.

Глеб отшвырнул ненужный «глюк». Как выяснилось впоследствии, избавление от пистолета оказалось хорошей идеей.

На выходе их ожидала парочка одетых в коричневые комбинезоны служащих космопорта. Оба стояли за мобильной стойкой, которую, должно быть, возили от ангара к ангару. Передвижной таможенный пункт. На стойке были установлены несколько голографических мониторов. Один из них принимал картинку с внутренних камер слежения. Увидев краем глаза на экране расprostертого на полу ангара рангуна, Глеб похолодел.

– Милости просим на Дроэдем! – крикнул один из служащих.

– С прибытием! – рявкнул второй. – Добро пожаловать на нашу гостеприимную планету!

– Русский! – констатировал Глеб. – Приятно, черт побери!... И вам тоже привет! – буркнул он, сбитый с толку радужным приемом. Может, они слепые?! Хотя не похоже.

– Оружия у вас, конечно, нет? Наркотики, разумеется, не везете?

– Что вы, что вы! – расплылся в широкой улыбке Жмых, радуясь, что оставил разряженный «глюк» в ангаре. Вот найдет его громила и пойдет на выход с «пушкой». И поплатится за все, что сделал!

– Вы можете пройти в главное здание и зарегистрировать-

ся. Сканеры показывают – все чисто.

Жмых, все еще подозревая подвох, обернулся к Лукасу:

– Кто из нас первым на регистрацию?!

Тот оглядывался кругом с самым озадаченным видом.

– Наверное, ты.

– Я пропускаю тебя вперед.

– Нет-нет, уступаю очередь тебе.

– Вот, – не дожидаясь, пока гости Дроэдема прекратят спорить, служащий протянул Глебу две желтые бумажки, – возьмите эти купоны. Вы заполните их и отдадите на стойке регистрации. Это просто формальность. Эти господа с вами? – он указал на андроидов.

– Конечно, с нами. Они наша собственность! – объявил Жмых.

– Хорошо. – Один из служащих кивнул другому, тот извлек из ящика, прикрепленного под стойкой, несколько клейких кружков ярко-желтого цвета, подошел и наклеил их каждому андроиду на уровень груди.

– Это еще зачем?

– Так положено. Пожалуйста, пройдите к зданию регистрации. Там вас уже ожидают.

– Кто? – насторожился Глеб.

– Наши сотрудники, – служащий широко улыбнулся. – Не волнуйтесь, у нас нет полиции.

– А я и не волнуюсь. С чего вы решили? Я очень даже люблю полицию... – Жмых повернулся и, не оглядываясь,

решительно зашагал к зданию космопорта.

* * *

От космодрома к гостинице «Левый берег» шли медленно. Приходилось все время останавливаться и «дать андроидов. Синтетические люди построились в шеренгу и синхронно вышагивали, высоко поднимая колени и едва не со скрипом ступая в зеленую траву. Жмых поначалу пытался заставить андроидов идти быстрее, но понял, что криками и руганью ничего не добьется. К тому же понукания звучали в этом тихом толке вселенной непривычно громко.

Море осталось левее. На его спокойной глади белели полотно парусов. Должно быть, на Дроэдеме имеюь немало элитных яхт-клубов.

В город вела дорога через светлые оливковые рощи. Местные жители, встречавшиеся на пути странной процессии, были молчаливы и улыбчивы. Один из них сдернул с головы шляпу и приветливо помахал им. Жмых нахмурился. По его мнению, от местных можно было ждать любой пакости. Но довольный жизнью дроэдемец прошагал мимо. Только подмигнул напоследок навигатору, как старому знакомцу, и хотнул басовито.

Дорога выбралась к каменистому руслу реки. В прозрачной воде ходили косяки разноцветных рыб. Несколько бойких рыбешек то там, то тут выпрыгивали из воды и с плеском

падали обратно в родную стихию. Другой берег порос кустарником. Из-за густой зелени выглядывали невысокие домики.

Легкие скоростные катера почти бесшумно проносились над рекой и над домами, оставляя за собой быстро растворяющийся белоснежный выхлоп чистого пара. Летательные аппараты работали на водороде без всяких примесей. Не то что носящиеся по воздуху чадающие примусы, которых хватало в Мамбасу. Не все ведь там передвигались на «Уралах». Тот же Свиня, помимо легкового наземного автомобиля, имел летающее корыто с громким названием «Калифорния», которое и в воздух не поднимешь, если не зальешь в бак добрый десяток экологически вредных присадок.

Двигаясь по дороге против течения реки, Жмых и Лукас, проклиная медлительных андроидов, вскоре выбрались в более населенную зону. Раскинувшийся на берегу моря аккуратный городок поражал почти нереальной красотой. Все здесь было к месту и дышало умиротворяющим покоем.

Крашенные белой краской одинаковые одноэтажные и двухэтажные домики, каждый за низким забором, через который при желании можно перешагнуть. А.вокруг домиков цветники, плодовые деревца. Щебневые дорожки, выложенные по краю красным кирпичом и терракотовой плиткой.

Вдохнув местный свежий воздух полной грудью, Глеб внезапно ощутил, что хочет остаться здесь навсегда. Дышалось на Дроэдеме легко, свободно. Несмотря на то, что солнце

стояло в зените, жара совсем не ощущалась. Теплый ветерок, налетая с моря, приятно овевал кожу.

– Красотища-то какая! – выдохнул Глеб. – Как же тут... – Он замялся, силясь подобрать нужное слово, и наконец нашелся: – Зашибательски!

– Край, достойный поэмы, – согласился Лукас. Глаза лемурийца сияли почти детским восторгом. – Воистину, Дроэдем – рай, как его описывал твой неопрятный друг и, к несчастью, ушибленный моим коленом рангун. Признаться, я считал, что сказанное им об этой планете – преувеличение большой фантазии. Фантазии существа, видевшего в своей жизни очень мало прекрасного.

– Он мне не друг, – буркнул Глеб, – так, коллега, помогает в делах.

– Как же хорошо, – Лукас улыбнулся, – рай, истинный рай.

– Только в этот рай прилетает всякая шваль, – сказал Жмых, – и очень скоро, помани мое слово, они все здесь загадят. Взять хотя бы поганого рангуна!

– Надо было заставить его улететь, – заметил лемуриец, – одним гадом в нашем раю было бы меньше.

– Нашем раю! – мечтательно повторил Глеб. – А ведь, и правда, я не прочь пожить здесь, хотя поначалу собирался перекантоваться пару месяцев, собрать башли и свалить. Если андроидов удастся сбыть за хорошую цену, можно тут, наверное, неплохо устроиться. Купить домишко на две персоны...

– Два домика...

– Зачем два?

– Тебе и мне...

– А, ну да... Конечно. Не будем же мы жить с тобой в одном домишке? Что о нас люди подумают... Мы могли бы купить для начала скромные хижинки рядом. Если ты не станешь слишком часто мучить меня своими стихами... Эх, и славно заживем, дружище Лукас! – Про себя Глеб уже с увлечением подсчитывал, как потратит два миллиона, которые со временем непременно перейдут из рук наивного лемурийца в его наполненные силой, хваткие ладони. Лукас снова улыбнулся.

– Конечно, если я часто буду читать тебе стихи, у тебя начнется нервное истощение. Даже прекрасное хорошо в меру. Постоянно находиться в состоянии эйфории, которая, несомненно, возникает у людей, когда они слушают мои стихи, тоже вредно. Как сказал один замечательный философ...

Глеб вскинул руку, прервав поэта, которого уже заносило – впрочем, не в первый раз. Глеб успел привыкнуть к тому, что, когда речь заходила о стихах или о его творчестве, Лукаса было не унять.

– Верно ты это подметил, – сказал Жмых. – Моя душевная организация... Словом, ты правильно все понял. Одно стихотворение в неделю... Или даже в месяц. Это я смогу вынести. Наверное.

– Ты собираешься смаковать мои творения, как тонкое ви-

но?

– Именно! – хохотнул Жмых. – Редкое и очень дорогое пошло.

– Пойло?! – опешил Лукас.

– Неверно слово подобрал. Я хотел сказать, нектар.

– Тогда позволь, я прочту тебе стихотворение по этому поводу уже сейчас!

– Нет, нет и еще раз нет! – закричал Глеб. – Не здесь и не сейчас! В достойной обстановке, когда мы хорошо устроимся, избавимся от этих механических болванов, которые скрипом своих конечностей будут отравлять мне всю радость...

– Конечно, – склонил голову Лукас и вздохнул: – Как скажешь.

– Смотри-ка: вот и мост! – Глеб указал на низкое каменное сооружение. – А сразу за ним – трактир.

Трехэтажное здание из красного кирпича выглядело очень солидно. Настоящие деревянные двери и оконные блоки, черепичная крыша... Никакого пластика – только кирпич, дерево и металл. Гордая трехметровая вывеска над входом, зеленым по белому, гласила: «Левый берег».

– Даже неудобно как-то... – вздохнул Жмых. – С нашим отдающим машинным маслом и скрипящим тормозными колесками сбродом... И в такой отель. Тут номера, наверное, по пятьсот рублей за ночь. И с девочками легкого поведения не пускают.

– И краденое здесь вряд ли скупают... – добавил Лукас.

– Тш-ш-ш. – Глеб приложил палец к губам. – А где у нас краденое? У нас все свое, кровно нажитое. Постой-ка здесь с андроидами, я схожу на разведку.

– Нет уж. Я тоже пойду. Андроиды в охране не нуждаются. Пока ты спал на корабле по двенадцать часов кряду, я перепрограммировал коды доступа. Они теперь подчиняются только мне. И тебе, конечно, пока я им это не запретил. И только я могу передать коды новому владельцу.

Жмых опешил от неожиданного известия.

– То есть ты хочешь сказать, что хапнул по-тихому всех наших андроидов?!

– Я только привел их в продажное состояние. Чтобы они не слушались абы кого.

– «Абы кого» – это меня?!

– Тебя они пока слушаются!

– Вот именно – пока!!! Кинуть меня хочешь? Лукас нахмурился:

– Если бы я замышлял дурное, то мог бы вообще ничего тебе не говорить. Увести потихоньку андроидов и продать. Договоримся сейчас с хозяином, деньги поделим поровну... Сказал бы спасибо, что я трудился, пока ты дрых!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.